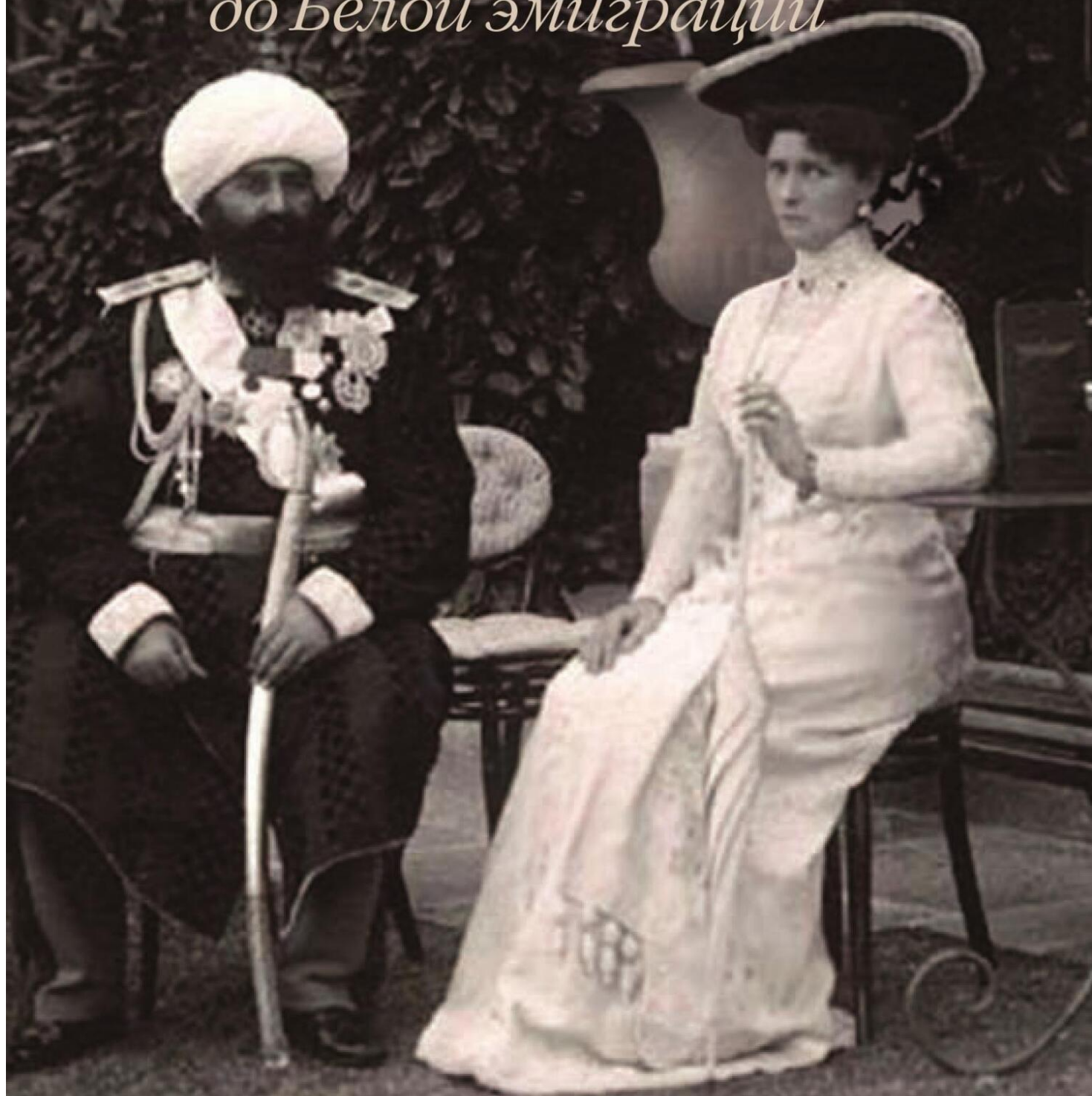

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе

РУССКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ

*Азия в российском сознании
от эпохи Петра Великого
до Белой эмиграции*

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе

**Русский ориентализм. Азия
в российском сознании
от эпохи Петра Великого
до Белой эмиграции**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2010

УДК 94
ББК 63.3(2)

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д.

Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2010

ISBN 978-5-8243-2334-4

Канадский историк Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе показывает, как в России на протяжении веков сохранялось амбивалентное отношение к Востоку - и как к «Другому», и как к части своего «Я» - и как эта двойственность определила особые пути России в изучении, осмыслении, восприятии Востока. Автору удалось связать в одном смысловом поле науку, политику, искусство, литературу. Взгляд со стороны всегда полезен, если необходимо расширить свои представления о знакомых с детства сюжетах. «Кавказский пленник», «Апофеоз войны», «Князь Игорь» - хрестоматийные для российского читателя произведения обретают новые смыслы, будучи помещенными в контекст общего развития востоковедения в России.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2334-4

© Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д., 2010
© Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2010

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	6
О датах и переводах	8
Введение	9
Глава 1	18
Глава 2	33
Глава 3	44
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Давид Схиммельпэннинк ван дер Ойе Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции

Предисловие к русскому изданию

Изменения, произошедшие за последнюю четверть века, значительно облегчили контакты между российскими и западными историками. И все-таки мы по-прежнему обитаем в разных мирах.

Предвзятые мнения, культурные стереотипы и различная историографическая традиция, не говоря уже о трудностях путешествий, разделяют нас и сегодня. Сохраняется даже такая очевидная проблема, как доступ к книгам. Если академическая работа, изданная в США или Великобритании, стоит около 7 тысяч рублей, то очевидно, что не только языковой барьер стоит на ее пути к русским читателям. По этим причинам я благодарен издательству «Политическая энциклопедия» за публикацию перевода моей книги.

Несмотря на то что моя работа выходит за рамки истории востоковедения в России, я должен выразить свою признательность выдающимся специалистам в этой сфере, прежде всего В. В. Бартольду, И. Ю. Крачковскому, А. Н. Кононову, Н. И. Веселовскому, Р. М. Валееву, В. М. Алексееву. Евгений Иванович Кычанов, бывший руководитель Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения (ныне Институт Восточных рукописей), однажды сказал мне, что написание истории востоковедения было любимым времяпрепровождением российских ориенталистов на пенсии. Я очень рад тому, что они это делали.

Но моя работа – это не всеобъемлющее исследование российского востоковедения. Опубликованные лекции В. Бартольда¹ и двухтомное собрание очерков «История отечественного востоковедения» дают гораздо более детальную информацию по этой теме². Мое исследование посвящено тому, каким видели Восток жители России (или иностранцы, переехавшие в Россию) до 1917 года. Поэтому в дополнение к ученым я рассматриваю также взгляды поэтов, художников, композиторов и в целом – всех, кто размышлял об Азии и об отношениях между Азией и Россией. Как я неоднократно подчеркиваю, эти люди зачастую расходились во мнениях.

С момента выхода более тридцати лет назад книги Эдварда Саида «Ориентализм»³ вопрос о том, как Запад, англо-саксонский Запад в первую очередь, воспринимает Восток, стал в значительной мере политизирован. Вместо того чтобы ввязываться в полемику, я предпринял все усилия, чтобы сохранить объективность, хотя, возможно, и не всегда преуспел в этом. Надеюсь, читатели простят мне возможные случайные ошибки.

Посвящается Мари

¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград: Гос. Учебно-Практ. Школа-Тип. Им. Тов. Алексева, 1925. Переиздано в: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 199–482.

² История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Наука, 1990; История отечественного востоковедения от середины XIX века / отв. ред. А. А. Вигасин, А. Н. Хохлов, П. М. Шаститко. М.: Наука, 1997.

³ Said E. W. Orientalism. New York: Pantheon, 1978.

Предисловие

Эта книга появилась в результате моих бесед с Джонатаном Брентом, шеф-редактором издательства Йельского университета, аспирантом которого я был в тот момент. Я пытался убедить его в преимуществах публикации моей диссертации о корнях русско-японской войны. Меня вежливо выслушали, но отклика я не получил, и книга вышла в другом издательстве. Однако два года спустя Джонатан спросил меня, не хочу ли я предпринять более общее исследование о восприятии Азии в России. Это было предложение, от которого я не мог отказаться.

Меня как человека, выросшего в период холодной войны, долгое время интересовала природа российской идентичности. Живя в Роттердаме в начале 1960-х гг., я легко мог представить себе новое наступление с Востока, через 20 лет после предыдущего. Как пошутила однажды моя бабушка, Азия начинается сразу за Венло (небольшой город на границе с Германией). Мальчиком я с готовностью верил в правоту Наполеона, говорившего, что стоит поскрести русского и обнаружишь его истинную сущность. Подобные стереотипы я перерос много лет назад. Однако меня по-прежнему интересовало, как они возникли. А еще больше меня интересовало, что сами русские думают об этих сюжетах? В каком-то смысле эта книга – попытка найти ответы на эти вопросы.

Мне повезло работать в университете, который поощрял мои своеобразные научные интересы. Университет Брок не только обеспечил мне близкую по духу академическую среду, но и оказывал финансовую поддержку моему исследованию, включая необычайно щедрую помощь в виде трехлетней *Chancellor's Chair of Research in Excellence*⁴. Также я многим обязан Исследовательскому совету по социальным и гуманитарным наукам в Канадском фонде исследовательских грантов. Эти две стипендии позволили мне более полугодом вести архивную работу в России и Финляндии. Краткосрочный грант от Института Кеннана обеспечил мою работу в Библиотеке Конгресса. Эту книгу я начал писать в 2003 году, будучи стипендиатом Национального центра гуманитарных исследований в Исследовательском Триангл-парк, штат Северная Каролина, этому Центру я также выражаю свою благодарность.

Эта книга не могла бы состояться без гостеприимства многих библиотек, которые мне предстояло посетить. В их числе Библиотека Мемориала Стерлинга, Нью-Йоркская Публичная библиотека (мне будет очень не хватать ее Славяно-Балтийского читального зала), Библиотека Робарта, Российская государственная библиотека («Ленинка»), Российская национальная библиотека («Публичка»), Библиотеки санкт-петербургского отделения Института Востоковедения, Библиотека Казанского университета и, конечно, Славянская библиотека в Хельсинки – идеальная тихая гавань для изучения прошлого Российской империи. Великолепный межбиблиотечный абонемент Университета Брок дал возможность обнаружить большинство материалов, которые мне не удалось прочитать за время работы за границей.

Фрагменты этой книги впервые появлялись в журналах «*Ab Imperio*», «*Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*» и «*The International Journal*», а также в следующих коллективных трудах: «*A History of Russian Thought*» (William Leatherbarrow and Derrek Offord, eds); «*Orientalism and Empire in Russia*» (Michael David-Fox et al. eds); «*Le Turkestan russe colonial*» (Svetlana Gorshenina and Sergej Abashin, eds.; «Новая имперская история постсоветского пространства» (отв. ред. И. Герасимов и др). Эти фрагменты перепечатываются здесь с любезного разрешения издателей.

Мои студенческие годы завершились давно, но мои учителя – в особенности Пол Башкович – продолжают щедро помогать мне. Я докучал своими вопросами многим ученым и дру-

⁴ Трехлетняя Ректорская исследовательская стипендия, выделяемая Университетом Брок для наиболее выдающихся исследовательских проектов. – *Примеч. пер.*

зьям и благодарен им за готовность помочь советом: Олегу Айрапетову, Володе Александрову, Саше Андрееву, Владимиру Береловичу, Никосу Криси́дису, Мише Дэвид-Фоксу, Лауре Энгельстейн, Ли Фэрроу, Татьяне Филипповой, Людмиле Гатаговой, Бернис Глатцер Розенталь, Чарльзу Гальперину, Валери Хансен, Леониду Геллеру, Натану Ханту, Майе Янссон, Эдварду Казинецу, Александру Кавтарадзе, Мише Кемперу, Натаниэлу Найту, Марлен Ларюэль, Джону Ледонну, Доминику Ливену, Ральфу Локе, Тане Лоркович, Ирине Лукка, Морин Лакс, Сюзанн Маршан, Лорен де Мо, Брюсу Меннингу, Ирине Рыбаченок, Михаилу Рыженкову, Джону Сейнбери, Элизабет Сауэр, Дэни Савелли, Дженнифер Сигель, Джонатану Спенсу, Дженнифер Спок, Джону Стейнбергу, Марку Стейнбергу, Ричарду Стайтсу, Дэвиду Стоуну, Вере Тольц, Элизабет Валкенир, Линн Виоле, Полу Верту, Синтии Уитакер и Дэвиду Вольффу.

Я понял, что пришло время завершать книгу, когда моя пятилетняя дочь Эсме невинно спросила меня накануне отъезда на конференцию: «Папа, а тебе это поможет закончить ее?». Она вместе с братом остаются источником любви и поддержки, так же как и моя супруга Мари. Именно ей я посвящаю эту книгу.

О датах и переводах

Даты приводятся по юлианскому календарю, использовавшемуся в Российской империи. В XIX веке этот календарь отставал на 12 дней от грегорианского, принятого на Западе, в XX веке это отставание составляло уже 13 дней. Когда в Санкт-Петербурге праздновали Новый год 1 января 1895 г., в Париже и Лондоне было уже 13 января.

Если не указано иное, переводы с европейских языков сделаны автором.

Введение

Что такой русский ориентализм?

Вы азиат, и я тоже.

И. Сталин

Эпоха Великих географических открытий стала одним из ключевых периодов в истории и географии Европы. С конца XV в. мореплаватели, купцы и другие искатели приключений вырвались на свободу со своего крохотного континента и отправились в путешествия по земному шару, привозя домой отчеты о совершенно новых мирах со сказочно богатыми и удивительными жителями. Португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш первым обогнул Мыс Доброй Надежды, а его соотечественники Васко да Гама и Фернан Магеллан многое сделали для составления карты Тихого океана. Христофор Колумб и Джон Кэбот открыли новые просторы по другую сторону Атлантики.

Одной из европейских территорий, «открытых» в эти годы, стала Россия. Географы XV в. по-прежнему часто именовали ее Скифией или Сарматией, но нельзя сказать, что средневековому Западу о ней ничего не было известно⁵. Ганзейские купцы несколько веков торговали с Новгородом и другими русскими городами. У Тевтонского ордена, Швеции и Польши уже были поводы столкнуться со своим восточным соседом, а в 1470-е гг. московские князья приглашали мастеров и архитекторов из Италии для исполнения важных заказов. Однако никто из этих гостей не рассказывал по возвращении домой много о России своим соотечественникам⁶. Московия по-настоящему вошла в орбиту представления образованных европейцев только в XVI в., когда о ней написали такие любопытные и впечатлительные путешественники, как габсбургский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн и англичане сэр Ричард Чэнселор и Джайлс Флетчер⁷.

Если в естественных науках стандарты в эпоху Возрождения сделали значительный шаг вперед по сравнению со Средневековьем, то в этнографии ситуация оставляла желать лучшего. Предвзятые суждения европейцев о людях, населявших далекие страны, оставались такими же ложными и фантастическими, какими были в знаменитых «Приключениях...», написанных английским рыцарем XIV в. сэром Джоном Мандвиллем. Примерно такими же были и представления европейцев о жителях Московии. Положение дел не облегчало то обстоятельство, что ближайшие западные соседи – поляки находились большую часть времени в состоянии войны с Россией. Стараясь привлечь на свою сторону в этих войнах другие католические монархии, поляки прикладывали все усилия, чтобы очернить своего врага, пороча его как язычников-турок⁸.

⁵ К примеру, в издании 1492 г. космографии Птолемея краковский ученый Януш Глогова (Иоганн фон Глогау) пишет: *haec tabula habet Sarmatiam asiaticam, nunc dictam Moszkowiam* (эта картина содержит Sarmatia Asiatica, теперь называемую Московия). Klug Ekkehart. Das 'asiatische' Rusland: Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // *Historische Zeitschrift* 245. № 2. 1987. S. 273.

⁶ Platonov S. F. *Moscow and the West*. trans. Joseph L. Wiczynski. Gulf Breeze, FL: Academic International. 1972. P. 1–3; Pelus M.-L. *Un des aspects d'une conscience européenne: La Russie vue d'Europe occidentale au XVIe siècle. La conscience européenne au XVe et XVIe siècles*. Paris: Ecole Normale Supérieure de Jeunes Filles. 1982. P. 309; Wren Melvyn C. *The Western Impact upon Tsarist Russia*. Chicago: Holt, Rinehart and Winston. 1971. P. 1–10.

⁷ Ричард Хэклройт, английский коллекционер путевых заметок, охарактеризовал записки Чэнселора как «удивительное и замечательное открытие России», см.: Wilson F. *Moscow: Russia through Foreign Eyes, 1553–1900*. New York: Praeger. 1970. P. 19. Два исследования западных представлений о России того времени: Marshall P. *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2000; Mund St. *Orbis Russiarum. Genève et développement de la représentation du monde russe en Occident à la Renaissance*. Geneva: Librairie Droz. 2003.

⁸ Этот вопрос подробно разобран в: Klug Ekkehart. *Das 'asiatische' Rusland*. S. 265–289.

Одним из главных ренессансных стереотипов в отношении России была ее азиатская идентичность. С учетом расположения на восточной окраине Европы, экзотических нарядов ее посланников и всеохватывающей деспотичной власти монарха над подданными было легко сделать вывод, что это европейское государство является по своей сути не менее восточным, чем Персия или Китай. Когда в 1570 г. фламандский картограф Авраам Ортелиус составлял атлас *Theatrum Orbis Terrarum*, то изобразил русского царя в монгольской юрте⁹. Примерно 40 лет спустя французский младший офицер Жак Маржере совершил большое путешествие по России и жаловался, что многие европейцы до сих пор не в курсе, что к востоку от Венгрии расположены христианские страны¹⁰. В шекспировской Англии неизменными персонажами на сцене являлись «московитские чужестранцы» и «скифские чудища»¹¹. В других случаях восточная суть России проявлялась в еще более мрачных атрибутах. Один германец предупреждал, что скрытная восточная страна представляет собой угрозу не меньшую, чем монголы прошлых веков: «[Царь] ужасно могущественный. Уже захватив большую часть Ливонии, он готовится напасть на Германию... Мы можем только молиться о милосердии Божьем, чтобы... никогда не попасть под его иго, поскольку его тирания будет такой, что мы предпочли бы умереть, если нас завоюют турки, татары или московиты»¹².

Клише закрепилось. Вплоть до настоящего времени экзотизм России, восточная география и зачастую репрессивные правители подпитывали западные представления о преимущественно азиатской сути этой страны. Такая характеристика звучала от представителей самых разных частей европейского политического спектра. Когда в 1839 г. Россию посетил французский аристократ маркиз Астольф де Кюстин, то многое напоминало ему Восток – от разреза глаз жителей («плутовской взгляд азиатов») до самодержавного правления («восточный деспотизм»)¹³. По его словам, «здесь мы находимся на границах Азии»¹⁴. Карл Маркс видел в царской империи «полуазиатский» и «восточный деспотизм»¹⁵. «Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия», – обличал он¹⁶. В XX в. выдающийся китайед объяснял, как политический строй Советского Союза выдает его «восточные корни»¹⁷. А вскоре после распада Советского Союза журнал «Тайм» выражал обеспокоенность, что «Россия может пойти по азиатскому пути»¹⁸.

Разумеется, с момента принятия христианства в конце X в. большинство жителей России отрицали свою принадлежность к восточному миру. В частых войнах с центральноазиатскими кочевниками жители средневековой Руси считали себя защитниками Креста от жестоких степных язычников («поганцев»). Начиная с XVIII в. Петр Первый и его наследники стремились

⁹ Pelus M.-L. Un des aspects d'une conscience européenne. P. 317.

¹⁰ Pelus M.-L. Un des aspects d'une conscience européenne. P. 310.

¹¹ Слова поэта елизаветинской эпохи Томаса Лоджа, см.: Ruffmann K. H. *Das Russlandbild im England Shakespeares*. Göttingen: Musterschmidt. 1952. S. 171.

¹² Pelus M.-L. Un des aspects d'une conscience européenne. P. 119–120.

¹³ Custine A. de. *Empire of the Tsar: A Journey through Eternal Russia* New York: Doubleday. 1989. P. 214, 230. Общий обзор французского восприятия России см.: Adamovsky E. *Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France ca. 1740–1880 // French Studies of the Eighteenth and Nineteenth Centuries* 19. Bern: Peter Lang, 2006 (Русский перевод по: Кюстин А. де. *Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Письмо девятое.

¹⁴ Custine A. de. *Empire of the Tsar*. P. 229.

¹⁵ Wittfogel K. A. *Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review*. 1963. № 22. P. 632.

¹⁶ Цит. по: Szamuely T. *The Russian Tradition*. New York: McGraw-Hill. 1974. P. 19 (Русский перевод по: Разоблачение дипломатической истории XVIII века. Гл. IV. URL: https://sceptis.net/library/id_883.html)

¹⁷ Wittfogel K. A. *Russia and the East*. P. 627–643.

¹⁸ Aikman D. *Russia Could Go the Asiatic Way // Time*. 1992. June 7. P. 80.

навязать империи западный путь развития, и образованные россияне были склонны согласиться с утверждением Михаила Горбачева, что «мы – европейцы»¹⁹.

Однако географическое положение России, в двух частях света на континенте Евразии, создавало определенную двойственность в представлениях жителей о ее континентальной принадлежности. В ранний период русской государственности, когда в XI–XII вв. процветали киевские княжества, Русь установила культурные и торговые связи как с европейскими, так и с азиатскими странами. Монгольское вторжение и последующее иго в XIII в. обрубило связи России с Западом. И даже после того как два века спустя Московское княжество освободилось от ига Золотой Орды, оно оставалось во многом изолированным от остальной Европы.

Когда Петр Великий и его наследники стали в XVIII в. возвращать Россию на европейскую орбиту, то встретили мощное сопротивление со стороны многих своих подданных. Изначально основу оппозиции составляли духовенство и другие консерваторы, видевшие в западной латинской культуре проклятие для православной веры. Однако к XIX в. уже многие члены образованной элиты, попавшие под влияние германского романтизма, также начали утверждать, что место России отнюдь не на Западе. Славянофилы видели в российском обществе фундаментальные отличия от чистого материализма и рационализма латинского мира. Тем не менее даже славянофилы не считали свой народ азиатским²⁰. Они полагали, что идентичность России – это другая Европа, прошлое которой тесно связано с традициями византийской православной церкви и аграрным общинным строем древних славян.

Однако были и такие русские, которые видели свое родство с Азией. Историк начала XIX в. Николай Карамзин полагал, что «Москва же обязана своим величием ханам», доказывая, что цари заимствовали самодержавный стиль правления у монгольской политической традиции²¹. Некоторые стали чувствовать еще более тесную связь с азиатским континентом, как поэт рубежа веков Александр Блок, провозгласивший «Да, скифы мы, да азиаты / С раскосыми и жадными очами...»²². Консервативные газетные издатели конца XIX в. князь Эспер Ухтомский и Владимир Мещерский идентифицировали себя с Востоком, отвергая западный материализм и либерализм²³. Ветвью этого течения стала идея начала XX в. о том, что Россия представляет особый, «евразийский» континент, сочетая в себе элементы Азии и Европы.

Подобное смешение континентальной идентичности среди самих жителей России делает еще более интересным вопрос, как они сами представляли себе Восток. «Что для нас Азия?» – спрашивал Достоевский после того, как генерал Михаил Скобелев штурмом взял среднеазиатскую крепость Гёк-тепе в 1881 г. Ответ был однозначным: «Она дает нам главный исход в нашем будущем»²⁴. Азия была одним из тех мест, где русские могли почувствовать себя равными европейцам. Для воспевателя героических подвигов генерала Скобелева в туркестанских песках Восток представлял собой территорию, которую надо завоевать к вящей славе царя и отечества. В этом отношении Достоевский практически полностью соответствует тому образу ориенталиста, который создал исследователь второй половины XX в. Эдвард Саид. Но писатель вряд ли говорил от имени всех россиян, когда называл Восток ареной для атактистических империалистических завоеваний ради завоеваний. Многие его соотечественники относились

¹⁹ Gorbachev M. *Perestroika: New Thinking for Our Country and the World*. New York: Harper & Row. 1987. P. 191.

²⁰ Sarkisyanz E. *Russland und der Messianismus des Orients*. Tübingen: J. C. B. Mohr. 1955. S. 203–204; Sarkisyanz E. *Russian Attitudes Toward Asia // Russian Review*. 1954. 13. P. 245; Riasanovsky N. V. *Asia through Russian Eyes // Asia and Russia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples / Wayne S. Vucinich., ed. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1972. P. 9–10.*

²¹ Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven. CT: Yale University Press. 1953. P. 333 (Русский перевод по: Карамзин Н. М. *История государства российского*. М.: Книга, 1989. Т. 5. С. 223).

²² Блок А. *Скифы. Стихотворения и поэмы*. М.: Художественная литература, 1968. С. 231.

²³ Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. *Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 86–94.

²⁴ Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч.* Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 32–36.

к Востоку не столь прямолинейно. И если большинство жителей России считали себя европейцами, это отнюдь не означает, что они испытывали антипатию к Азии.

Существует богатая литература об осмыслении Россией своего места в мире, однако в большинстве своем она опирается на дебаты середины XIX в. между «западниками» (сторонникам близости к Европе) и «славянофилами» (полагавшими, что России следует двигаться своим путем)²⁵. Поэтому исследователи сосредоточивались в основном на отношениях с Европой. Разумеется, нельзя говорить о том, что восприятием русскими Востока полностью пренебрегали. В некоторых работах мы видим мощные антисоветские усилия по поиску «восточных» или даже «татарских» корней в русской национальной душе²⁶. Более объективные работы, в том числе *Imperial Visions* («Имперские взгляды») Марка Бассена и *Window on the East* («Окно на Восток») Роберта Джераси, фокусируются на отдельных аспектах представлений об Азии²⁷.

Исследования последних лет, посвященные отношению европейцев к Азии, во многом находятся под влиянием воззрений на ориентализм Эдварда Саида. Вплоть до конца 1970-х гг. термин «ориентализм» обладал двумя отдельными значениями. Как академическое понятие он отсылал к изучению Востока, прежде всего Ближнего Востока. Ориентализм был сферой научных интересов, подразумевавшей владение некоторыми сложными языками, а специалисты составляли довольно редкую и в некоторых случаях эксцентричную группу. С другой стороны, для искусствоведов термин «ориентализм» отсылал к живописной школе XIX в., к которой относились такие художники, как Делакруа, Фромантен, Жан-Леон Жером, – те, кто любил изображать ближневосточные сюжеты. В обоих случаях слово обладало нейтральной коннотацией и не несло никаких негативных смыслов²⁸.

С появлением одноименной книги Э. Саида в 1978 г. слово «ориентализм» приобрело пейоративный смысл. Больше никакой бесплодной погони за хрупкими дарами или интереса живописцев к экзотике, – ориентализм стал рассматриваться как мощное оружие западного империализма, интеллектуальный инструмент обеспечения западного превосходства. Если говорить в двух словах, в книге «Ориентализм» Э. Саид утверждает, что научный аппарат, при помощи которого Запад изучает Восток, является средством угнетения. Западные ученые осуществляют это угнетение через представление Востока как «другого» – загадочного, женоподобного, злобного, опасного «культурного соперника».

Саид объясняет, что европейцы часто оценивают мир в манихейских терминах. Говоря словами Р. Киплинга, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». В книге Саида хорошо заметно влияние французского философа Мишеля Фуко, в первую очередь его понятия «дискурс», согласно которому лингвистический аппарат через распространение знания является методом завоевания, порабощения и угнетения. По мнению Саида, ориентализм – это «научное течение, аналогом которого в мире практической политики было колониальное освоение и завоевание Востока Европой»²⁹.

²⁵ Также см.: Koyré A. *La philosophie et le problème national en Russie au début du XIXe siècle*. Paris: Honoré Champion, 1929; Schelting A. von. *Russland und Europa in Russischen Geschichtsdanken*. Bern: A. Francke, 1948; Зеньковский В. В. *Русские мыслители и Европа*. Paris: YMCA Press, 1955; Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe*. London: Routledge, 1996.

²⁶ В числе примеров можно назвать: Szamuely T. *The Russian Tradition*; Knobloch Edgar. *Russia and Asia: Nomadic and Oriental Traditions in Russian History*. Hong Kong: Odyssey Books, 2007.

²⁷ Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East. 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Geraci R. P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. В качестве примера см. исследования горбачевской эпохи, на которые повлияли геополитические взгляды Халфорда Маккиндера: Hauner M. *What Is Asia to Us?* Boston: Unwin Hyman, 1990. Существуют два недавних обширных исследования на итальянском и французском языках: Ferrari A. *La foresta e la steppa: Il mito dell'Eurasia nella cultura russa*. Milan: Libri Scheinwiller, 2003; Meaux L. de. *L'Orient russe: Representations de l'Orient et identité russe du début du XIX ème siècle à 1917*. Paris: Fayard, 2010.

²⁸ Lewis B. *Islam and the West*. New York: Oxford University Press, 1993. P. 101.

²⁹ Said E. A. *Orientalism Reconsidered* // Francis Barker et al. eds. *Literature, Politics and Theory*. London: Methuen, 1986. P. 215.

Когда Саид говорит о «Западе», он подразумевает в первую очередь Великобританию и Францию XIX–XX вв., а уже потом включает в это поле Соединенные Штаты. Ученый практически игнорирует другие европейские культуры с мощной ориенталистской традицией – Германию, Голландию, Венгрию и Россию. Представления о Востоке у Саида откровенно размытые. Чаще всего он фокусируется на Ближнем Востоке и Северной Африке, игнорируя Центральную и Восточную Азию.

Советскому читателю представления об ориентализме как инструменте западного империализма, аналогичные взглядам Саида, были хорошо знакомы. Уже в 1922 г. редактор издававшегося в Москве журнала «Новый Восток» утверждал, что для британских, французских и германских ориенталистских обществ «научные задания по изучению Востока являлись и являются лишь второстепенной задачей, а главной целью служила и служит посильная помощь правительствам своих стран... завоевания стран Востока»³⁰. Шесть лет спустя Соломон Вельтман уже предполагал, что «художественная литература становится оружием пропаганды правящих классов Западной Европой в колониальном наступлении»³¹. Вплоть до конца 1930-х гг., когда такие оценки вышли из моды, проводилась даже параллель между поэзией и строительством царской империи. По словам Николая Свирина, написавшего несколько работ по теме ориентализма в романтической поэзии, «так называемая “экзотическая” литература была по существу литература колониальной»³².

Статья «Востоковедение» во втором издании авторитетной Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1951 г., еще в большей мере предвосхищала работу Саида, резко обвиняя западных ученых: «Отражая колонизаторски-расистское мировоззрение европейской и американской буржуазии, буржуазное В. с самого начала своего возникновения противопоставляет культуру так называемого “Запада” ... – культуре “Востока”, клеветнически объявляя восточные народы расово неполноценными, якобы искони отсталыми, неспособными самостоятельно решать свою судьбу, являющимися будто бы лишь объектом истории, а не ей субъектом. Буржуазное В. всецело подчиняет изучение Востока колониальной политике империалистических стран»³³. Вера Тольц отмечала, что хотя Саид и не читал по-русски, но подобные оценки, несомненно, оказали влияние на него. Как она указывает, критика Саида западной ориенталистики восходит к более ранней статье египетского марксиста Анвара Абдель-Малика «Ориентализм в кризисе», в которой статья из советской энциклопедии цитируется в самом начале³⁴.

«Ориентализм» стал исключительной влиятельной работой, хотя и подвергся серьезной критике со стороны многих ученых. Одни обращали внимание на то, что далеко не все, занимавшиеся Востоком, были по умолчанию враждебны к объекту своих исследований. Так, Роберт Ирвин назвал книгу Саида «работой злобного шарлатана»³⁵. В истории европейской ориенталистики Ирвина показано, что многие ученые в целом симпатизировали Азии. Он задавался вопросом, могли ли ученые тратить десятилетия трудоемкой работы в одиночестве на то, что они ненавидели. На самом деле люди, посвящавшие свою карьеру теме Востока, будь

³⁰ Павлович М. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения. Новый восток. 1922 № 1. С. 5. В статье, написанной пять десятилетий спустя, советский японист Николай Конрад схожим образом называл ориенталистику наукой, подчиненной колониалистским императивам, см.: Конрад Н. И. Запад и Восток: Статьи. М.: Главная редакция восточной литературы. 1972. С. 9–10.

³¹ Вельтман С. Восток в художественной литературе. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. С. 42

³² Свирин Н. Г. Русская колониальная литература // Литературный критик. 1934. № 9. С. 56. Свирин был арестован в 1937 и умер в 1941 г. Sandler St. Distant Pleasures: Alexander Pushkin and the Writing of Exile. Stanford. CA: Stanford University Press, 1989. P. 237n24.

³³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Статья: Востоковедение.

³⁴ Tolz V. European, National, and anti-Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Later Tsarist and Early Soviet Russia // Orientalism and Empire in Russia / David-Fox Michael et al., eds. // Kritika. Historical Studies. 3. Bloomington. IN: Slavica, 2006. P. 132–133.

³⁵ Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies. London: Allen Lane, 2006. P. 4.

то ученые или чиновники, в конце концов часто попадали под его очарование. Чиновники колониальных министерств беспокоились, как бы чиновники за дальними морями не «превратились в аборигенов», а министерства иностранных дел строго ограничивали срок пребывания там дипломатов, чтобы избежать их привязывания к «местным особенностям». В эпоху маккартизма нескольких «знатоков Китая» в Государственном департаменте обвинили в поддержке Мао Цзэдуна. Роберт Каплан в книге «Арабисты» отмечал те же случаи в 1990-х гг., когда специалисты по Ближнему Востоку из «Туманного дна»³⁶ опасно симпатизировали ближневосточным режимам³⁷.

Саид был не одинок в своей оценке западного отношения к Востоку. Но в более ранних работах объяснялось, что европейцы видели Азию в более позитивном свете, как источник чуда или мудрости. В числе таких работ можно назвать книгу 1959 г. *Het Paradijs op Aarde* («Рай на Земле») Анри Боде. Он признает, что со времен античности Восток периодически угрожал Западу, однако Боде больше интересуют история мифа о неиспорченном, домодерном Востоке³⁸. Век просвещения был очарован «китайщиной» и «туретчиной». Это предполагает, что европейцы были способны относиться к Азии как минимум доброжелательно. Они были готовы восхищаться Востоком за его проницательность, как объясняет Рэймонд Шваб в своей классической работе 1950 г. *La Renaissance orientale* («Восточный ренессанс»)³⁹. Однако сегодня в целом возобладала более мрачная точка зрения Саида о том, что Запад всегда боялся Востока и презирал его.

Несмотря на то что Саид не анализировал ориенталистов к востоку от Рейна, для специалистов по России актуальность вопроса о применимости ориенталистских тезисов к их сфере была только вопросом времени. Наиболее очевидным объектом для исследования была богатая литература середины XIX в., посвященная царским войнам на Кавказе. Ведущие русские писатели – Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Лев Толстой либо служили в этом регионе, либо путешествовали там, и эти военные кампании наложили яркий отпечаток на их творчество. По этой теме вышло уже несколько монографий начиная с *Russian Literature and Empire* («Русская литература и Империя») Сьюзен Лейтон⁴⁰. Индийский ученый Калпана Сангхи в работе *Crucifying the Orient*⁴¹ («Распиная Восток») расширила ее исследование как географически, включив Среднюю Азию, так и хронологически, продлив его до советского периода. Как хорошо видно из названия, ее подход трудно назвать непредвзятым.

Насколько релевантны выкладки Эдварда Саида в применении к России? Вскоре после выхода «Ориентализма» Бернард Льюис раскритиковал эту книгу за полное игнорирование германской ориенталистской традиции⁴². Саид отверг эту критику, что, однако, не уменьшило

³⁶ «Туманное дно» (от *англ.* Foggy Bottom) – одно из сленговых названий Государственного департамента США, по названию района в Вашингтоне, где ранее размещались государственные здания. – *Примеч. пер.*

³⁷ Kaplan R. D. *The Arabists: The Romance of an Elite*. New York: Free Press, 1993.

³⁸ Baudet H. *Het Paradijs op Aarde* Assen: Van Gorcum, 1959. См. подобные недавние работы: Rodinson M. *La fascination de l'Islam*. Paris: Librairie Francois Maspero, 1980; Rietbergen P. *Europa's India: Fascinatie en cultureel imperialisme, circa 1750 – circa 2000*. Nijmegen, the Netherlands: Uitgeverij Vantilt, 2007.

³⁹ Schwab R. *La renaissance orientale*. Paris: Payot, 1950. Английский перевод включает предисловие Эдварда Саида; см.: Schwab R. *The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East. 1680–1880*. trans. Gene Patterson-Black and Victor Reinking. New York: Columbia University Press, 1984. См. также: Clarke J. J. *The Oriental Enlightenment* London: Routledge, 1997.

⁴⁰ Layton S. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Ram H. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003; Thompson E. M. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport, CT: Greenwood Press, 2000; Hokanson K. *Empire of the Imagination: Orientalism and the Construction of Russian National Identity in Pushkin, Marinskii, Lermontov, and Tolstoy* // PhD diss. Stanford University, 1994. Не так давно снова была опубликована работа Натана Эйдельмана по этой теме, где подчеркнут постколониалистский поворот: Эйдельман Н. *Быть может за хребтом Кавказа...* М.: Вагриус, 2006.

⁴¹ Sahni Kalpana. *Crucifying the Orient: Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia*. Bangkok: White Orchid Press, 1997.

⁴² Lewis B. *Islam and the West*. P. 108.

ее значения. В основе аргументации Саида лежит тезис о том, что наука и колониализм шли рука об руку. Однако колониальные интересы Германии на Ближнем Востоке в период расцвета немецкой научной школы ориенталистики практически отсутствовали. В случае Германии мы, вероятно, не можем установить непосредственной связи между знанием и силой, по крайней мере в том, что касается Востока. Это соображение равно справедливо и для России, поскольку ее ученые, особенно интересовавшиеся Востоком, находились под мощным влиянием германской академической школы.

Если говорить в более общем виде, то взгляды России на Азию всегда были сложными. Даже в правление Александра II, когда генералы Черняев, Кауфман и Скобелев завоевывали и подчиняли среднеазиатские ханства, российская общественная мысль на тему Востока включала весь спектр возможных оценок. На одном конце находились такие люди, как Скобелев и Достоевский, воинственный исследователь Николай Пржевальский, которые видели там отсталые земли, полезные только в качестве территории для имперских завоеваний. Но оставалось и множество тех, кто смотрел на Азию намного позитивнее.

Участники форума на страницах журнала «Критика» подробно рассматривают этот вопрос. В качестве отправной точки дискуссии послужила вышедшая ранее в издании *Slavic Review* статья Натаниэла Найта⁴³, где автор анализирует назначение ориенталиста XIX в. Василия Григорьева в Оренбург в качестве чиновника Министерства внутренних дел. Найт утверждает, что позиция Григорьева, интересы которого как ученого резко расходились с интересами его начальников, полностью опровергает модель Саида о согласованной «политике» государства и науки. Дискуссию в «Критике» начал еще один историк, Адиб Халид, упомянувший о карьере Николая Петровича Остроумова⁴⁴. В отличие от Григорьева Остроумов с энтузиазмом применял свои знания ислама и тюркских языков для помощи царским властям распространять свою власть на азиатских землях и среди тамошних народов. Деятельность Остроумова, казалось, подтверждала тезисы Саида. В каком-то смысле правы и Халид, и Найт: одни российские ориенталисты соответствуют саидовскому утверждению, другие – нет. Невозможно свести все российское востоковедение к одному архетипу.

Однако пример Григорьева чрезвычайно полезен. Многие российские востоковеды, разумеется, не все, симпатизировали изучаемым народам и глубоко уважали их. Ведущие ученые Санкт-Петербурга, Казани, Москвы и других научных центров востоковедения старались избегать моральных оценок, особенно если сравнивать их труды с работами их современников из Западной Европы. Военное превосходство в Средней Азии совсем необязательно транслировалось в научные труды, доказывающие отсталость Востока.

Дополнительным штрихом служит тот факт, что многие в России осознавали свое азиатское наследие. В работе, посвященной описанию завоевания Кавказа в русской литературе, Сьюзен Лейтон отметила: «И культурно, и политически Россия имеет корни в Азии, что делает для нее Восток одновременно и “другим”, и “своим”»⁴⁵. Среди востоковедов императорской научной школы было немало и таких, кто, как чуваш отец Иакинф Бичурин, Александр Казем-Бек или бурят Доржи Банзаров, имел исключительно восточные семейные корни⁴⁶.

В России также прекрасно знали о том, насколько разным может быть Восток, и точкой отсчета здесь являлась православная ветвь христианства, противостоящая католическому Западу. Поэт Владимир Соловьев использовал аллюзию на это различие, когда говорил об азиатском Востоке, угрожающем Европе захватами еще со времен Персидских войн, и о христианском Востоке и задавался вопросом: «Каким Востоком будет [Россия]: Востоком Ксеркса

⁴³ Knight N. Grigor'ev in Orenburg. 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. № 59. P. 74–100.

⁴⁴ Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika*. 2000. № 1. P. 691–699.

⁴⁵ Layton S. *Russian Literature and Empire*. P. 191.

⁴⁶ Knight N. Grigor'ev in Orenburg. P. 96n80.

или Христа?»⁴⁷ Объединяло эти две роли то, что они выступали антитезисом Западу. Те русские, кто возражал против западной европейской культуры, могли опираться на родство с той или иной версией Востока по сходным причинам.

Итак, работа Эдварда Саида не вполне применима к русскому ориентализму, однако она поднимает несколько интересных вопросов об отношениях между знанием и властью. Усилия России по исследованию, изучению, пониманию Востока зачастую были непосредственно связаны с конкретными имперскими целями⁴⁸. Многие выдающиеся ориенталисты XIX в., включая отца Иакинфа, Осипа Сенковского, были тесно связаны с Министерством иностранных дел. Натаниэл Найт напоминает нам о том, что Григорьев состоял на государственной службе в Оренбурге, на границе с азиатскими степями. Русское востоковедение не всегда послушно исполняло волю государства, но между ними существовали прочные связи.

Интерес Саида к культурным репрезентациям подчеркивает значимость выхода за пределы полемики в «толстых журналах» – периодических изданиях XIX в., игравших ключевую роль в интеллектуальной жизни России и для понимания восприятия мира в России. По словам Барбары Хельдт, «литературный имидж другой страны и ее обитателей... часто оказывается тем образом, который остается в головах большинства»⁴⁹. Сьюзен Лейтон, Катя Хокансон, Харша Рэм и другие ученые уже показали, что поэзия и проза, посвященные военным кампаниям XIX в. по «замирению» Кавказа, могут рассказать нам кое-что о взглядах русских на Восток. Картины, гравюры, музыка, опера и прикладное искусство также служат значимым источником для понимания того, каким в России представляли себе Восток.

Можем ли мы говорить о русском ориентализме? В этой книге предпринимается попытка ответить на этот вопрос через изучение оценок Азии в период Российской империи на протяжении двух веков – от правления Петра Первого до Февральской революции 1917 г. Русские смотрели на Азию через несколько разных оптических приборов. В этой книге мы сосредоточимся на двух из них – ориенталистике (востоковедение) и культуре. Сразу оговоримся, что внимание уделяется в первую очередь нескольким показательным личностям, и речь не идет об энциклопедическом разборе каждой значимой персоны. В этом отношении я смело заимствовал подход одного из моих учителей, Джонатана Спенса, реализованный в его истории западных мнений о Китае – *The Chan's Great Continent* («Великий континент Хань»)⁵⁰.

Если на Западе существовали довольно размытые представления о том, где на карте находится Восток, то в России тоже представления о Востоке не отличались идеальной четкостью. В этой работе мы сталкиваемся с воображаемой географией. В российском сознании сосуществовали «Восток» в целом и несколько «Востоков»: от древнего татарского города Казани, расположенного всего в 700 км к востоку от Москвы, до далеких стран – Индии, Персии, Китая, Монголии и Японии. В этой книге мы будем рассматривать понятие «восток» максимально широко, распространяя горизонт исследования на все восточные регионы, интересовавшие Россию, в том числе Центральную и Среднюю Азию. Поскольку меня больше всего интересует концепт предполагаемого «другого», то я, выражаясь терминами Соловьева, буду уделять больше внимания «Востоку Ксеркса», чем «Востоку Христа». Признавая всю значимость идей Саида, я не разделяю его неприязни к терминам «ориентальный», «ориенталистика», «ориен-

⁴⁷ Соловьев В. С. *Ex oriente lux*. Чтения о Богочеловечестве: Статьи, стихотворения и поэма. Из Трех разговоров. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 385.

⁴⁸ О связях между наукой и военной разведкой в Российской империи см.: Schimmelpenninck van der Oye D. *Reforming Military Intelligence // Reforming the Tsar's Army* / Schimmelpenninck van der Oye and Menning Bruce W., eds. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 133–150.

⁴⁹ Heldt B. 'Japanese' in Russian Literature: Transforming Identities // *A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters* / J. Thomas Rimer, ed. Stanford. CA: Stanford University Press, 1995. P. 171.

⁵⁰ Spence J. D. *The Chan's Great Continent: China in Western Minds*. New York: W. W. Norton, 1988.

талист». Я буду использовать их в досаидовском, нейтральном смысле, как синонимы русских слов «Восток», «востоковедение» и «востоковед».

В России никогда не было единого мнения по поводу Азии. Ориенталистская схема Саида подразумевает единодушие, общий взгляд как на Азию, так и на методы общения с ней, единодушие, которого просто никогда не существовало. География Российской империи, ее расположение в двух частях света, амбивалентные отношения с остальной Европой, сложная природа взаимоотношений с Азией привели к многообразию представлений об Азии в массовом сознании. Перефразируя знаменитую цитату из фильма «Белое солнце пустыни» режиссера Александра Мотыля, можно сказать: русский ориентализм – дело тонкое.

Глава 1

Лес и степь

Русское государство по своему географическому положению с первых веков своей жизни подвергалось культурным влияниям как с Запада, так с Востока.

Василий Бартольд

У народов, со временем составивших русскую нацию, понятия «свой» и «чужой» сформировались на основе разделения между лесом и степью задолго до того, как у них появились представления о Востоке и Западе, Европе и Азии, христианстве и язычестве. Восточные славяне, от которых ведет свою генеалогию русская нация, поселились на лесистой северо-восточной окраине Европы примерно во второй половине I тысячелетия⁵¹. Остается тайной, что именно прельстило их в этой мрачной, девственной земле в эпоху великих переселений народов, последовавших за развалом Римской империи.

Некоторые из этих славянских народов постепенно стали платить дань хазарам, более мощному народу, происходящему от кочевых племен Внутренней Азии, который контролировал низовья Волги в VII–IX вв. Будучи частью свободного союза тюркских племен евразийской степи, хазары получали доход от торговли с великими державами той поры – Багдадским халифатом, Персией и Византией. Вслед за деньгами всегда шла культура, и многочисленные торговые партнеры оказывали свое влияние на кочевников. Элита постепенно приняла иудаизм, а большая часть простого населения обратилась в христианство или ислам. Первые контакты различных славянских групп с хазарами произошли в процессе обмена мехов, воска, меда и других даров леса на арабское серебро. Об оживленной торговле славян с Востоком свидетельствуют многочисленные клады с ближневосточными монетами, датируемыми VIII–XI вв., которые обнаруживаются по всей территории Северо-Западной России.

Примерно в VIII в. прибыльное предприятие обратило на себя внимание агрессивных варягов (викингов) из Скандинавии, которые начали исподволь проникать в слабые объединения восточных славян. Точная природа отношений норманнов и русов – название, под которым стали известны предки русских, продолжает вызывать оживленные споры. Тем не менее именно под их началом у славян постепенно формируется первое государство со столицей в Киеве, городе, расположенном на границе лесов и степи. Несмотря на наличие скандинавских вождей, с первых дней своего существования молодой союз оставался данником хазар. И византийские, и каролингские источники IX в. упоминают варяжского правителя славян под тюркским названием «каган» (хан), хотя впоследствии они станут известны как «великие князья»⁵². По словам тюрколога Василия Бартольда, «Русское государство по своему географическому положению с первых веков своей жизни подвергалось культурным влияниям как с Запада, так с Востока... Периодом наиболее тесной культурной связи с Востоком был для России, по-видимому, самый ранний, дохристианский период ее истории»⁵³.

Киевская Русь вскоре превратилась в сильное, независимое государство, которое торговало и воевало с многочисленными соседями, включая Византию, Хазарию, Булгарию (мусульманское тюркское государство в Среднем Поволжье), чередой азиатских кочевых племенных

⁵¹ Украинцы и белорусы также ведут свое происхождение от восточных славян. Поэтому большинство рассуждений, касающихся русских до монгольского нашествия начала XIII в., применимо в равной мере и к этим двум народам.

⁵² Golden P. B. The Question of the Rus' Qag'anate, Archivum Eurasiae Medii Aevii, vol. 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982, 81; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus, 750–1200. London: Longman, 1996. P. 31, 38.

⁵³ Бартольд В. В. Соч. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 534.

союзов из южных степей и католическими королевствами на Западе. Одним из судьбоносных решений для Киева стало принятие восточной, православной версии христианства великим князем Владимиром в 988 г., благодаря чему Русь оказалась в культурной орбите Византийской империи. Крещение Владимира окончательно поместило его княжество внутрь христианского мира, но принятие греческой, а не латинской версии посеяло семена будущего конфликта с Западом.

На протяжении большей части существования Руси основная внешняя угроза исходила от степи. Огромная равнина, протянувшаяся через всю Евразию почти от тихоокеанской Маньчжурии до центральноевропейской Венгрии, функционировала как внутренний океан, по которому легко перемещались разнообразные пастушеские племена, размеры которых было невозможно оценить. На протяжении нескольких веков из Внутренней Азии волна за волной накатывали они в западном направлении, занимая южнороссийские степи, пока следующее более сильное объединение кочевников не вытесняло их дальше. Первым таким народом, зафиксированным в письменных источниках хоть в каких-то подробностях, стали скифы – иранский народ, описанный в V в. до н. э. Геродотом в своей «Истории»⁵⁴. В эпоху Киевской Руси земли вдоль южной границы последовательно контролировали две тюркские племенные конфедерации – печенеги и половцы.

Монастырские хроники Киевской Руси и другие сохранившиеся письменные источники рисуют нам картину постоянного соперничества между оседлыми земледельцами и азиатскими кочевниками⁵⁵. «Повесть временных лет», самый ранний и значимый из этих источников, содержит много упоминаний о столкновениях с печенегами, главным кочевым неприятелем с 960-х гг. до примерно 1040 г., и с половцами, пришедшими на смену печенегам после 1060 г. Более внимательное прочтение «Повести» позволяет сделать вывод, что отношения между лесом и степью были не только враждебными. Гораздо чаще они находились в мире друг с другом, чем в состоянии войны⁵⁶.

Первые контакты и печенегов, и половцев с Киевской Русью начинались вполне дружелюбно. Печенеги изначально были союзниками Руси в войне против Византии 944 г. Возникло много других поводов для совместных действий, а когда Киев начал слабеть, нередко соперничающие князья вербовали половцев в свои союзники в постоянных внутренних распрях. Зачастую такие союзы князья подкрепляли женитьбой княжеских сыновей на ханских дочерях. К началу XII в. некоторые русские князья по крови были уже в большей степени тюрками⁵⁷. Тем временем печенеги и другие беглые кочевники часто поступали на службу Киеву, селясь на уязвимых южных границах для охраны от набегов из «Дикого поля», подобно тому, как через несколько веков это делали казаки. И так же, как это происходило на северных границах Китая, Киевская Русь завязала оживленную торговлю со своими кочевыми соседями, обменивая продукты леса на продукты степи.

Несмотря на то что печенеги и половцы представляли собой сопоставимую угрозу для Киевской Руси, в летописях их изображают в принципиально разном свете⁵⁸. «Повесть временных лет» описывает различные столкновения с печенегами лаконично и почти без эпитетов.

⁵⁴ Herodotus, vol. 2 / trans. A. D. Godley. London: William Heinemann, 1921. P. 198–345.

⁵⁵ Franklin S. Kievan Rus' 1015–1125 // The Cambridge History of Russia / Maureen Perrie, ed., vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 89–90.

⁵⁶ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. С. 45–66, 89–129; Voorheis R. The Perception of Asiatic Nomads in Medieval Russia: Folklore, History and Historiography PhD diss., Indiana University, 1982, P. 10–75; Noonan T. S. Rus, Pechenegs and Polovtsy, Russian History / Histoire Russe. 19. 1992. P. 300–326; Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 10–20; Sunderland W. The Taming of the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. P. 13.

⁵⁷ Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. P. 18.

⁵⁸ Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen / Halbach Uwe et al., eds. Wiesbaden: Franz Steiner, 1986. P. 128.

В описаниях половцев мы видим разительный контраст – с самого начала они безальтернативно рассматриваются исключительно как воплощение бича божьего. Негативное отображение половцев летописцами стало следствием обращения Киева в христианство. До крещения Владимира восточные славяне считали степных кочевников беспокойными соседями. Приняв в конце X в. византийскую веру, Русь приняла и ее видение мира, в котором была проведена четкая граница между верующими и неверующими. Когда половцы совершили первый набег на Киевское княжество в 1061 г., «Повесть временных лет» записала, что «То было первое зло от поганых и безбожных врагов». Набег, совершенный семь лет спустя, описывался как божье наказание: «Навел на нас Бог поганых за грехи наши». Запись от 1096 г., когда половцы разорили Киево-Печерский монастырь, они были названы «Безбожные же сыны Измаиловы»⁵⁹.

Позднее иудейская и христианская космография наделяли половцев демоническими и даже апокалиптическими ассоциациями. В одном из пассажей «Повесть» утверждает, что они принадлежат к «нечистым» племенам, происходящим из земель Гога и Магога, силам Сатаны, появление которых предвещает конец света. По словам собеседника летописца, эта земля состоит из «некоторых гор» на северо-востоке – на том азимуте, который традиционно ассоциируется с царством зла⁶⁰. Для православных монахов, составлявших «Повесть временных лет», половцы были злом в первую очередь потому, что не были христианами. В те времена половцы исповедовали шаманизм, но летописцы все чаще использовали в их отношении византийскую антиисламскую риторику. Это неудивительно, поскольку восточная Римская империя первой столкнулась с исламом в период мощного продвижения арабов в VII в. Новый враг, кочевые «люди овец и верблюдов», были гораздо больше похожи на гуннов, аваров и другие варварские орды, угрожавшие Византии, чем традиционный восточный соперник – Персия⁶¹.

Когда «Повесть временных лет» называет половцев и других кочевников-тюрок «безбожными сынами Измаиловыми», она возводит их к легендарному предку пророка Мухаммеда. Согласно книге Бытия, Измаил, сын ветхозаветного патриарха Авраама и его рабыни Агари, был ребенком изгнан в пустыню. Согласно иудейской традиции, «дикий человек» стал прародителем различных бедуинских племен. Поэтому монастырским писцам XI в. в Киеве было очень легко смешать ближневосточных кочевников с племенами, пришедшими из Внутренней Азии.

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
...Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую⁶².

Так начинается «Слово о полку Игореве», самый известный литературный памятник XII в., посвященный столкновению Руси со степью. Подобно близкой по времени французской «Песни о Роланде», она повествует о неудачной битве с врагом-безбожником. Как и в случае с «Роландом», «Слово» посвящено относительно мелкому столкновению, поэтически трансформированному в событие эпической значимости. Но если *chanson de geste* описывает тра-

⁵⁹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. С. 163, 232.

⁶⁰ Лаврентьевская летопись. Т. 1. С. 234–236; Chekin L. S. The Godless Ishmaelites: The Image of the Steppe in Eleventh – Thirteenth Century Rus, Russian History // Histoire Russe. 19. 1992. P. 12–17.

⁶¹ Ducellier A. Chretiens d'Orient et Islam au Moyen Age, VIIe – XVe siecle. Paris: Armand Colin, 1996.

⁶² Жуковский В. А. Соч.: в 3 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 3. С. 85.

гическую гибель Роланда в Пиренеях как часть тысячелетней войны между христианами и мусульманами, то религиозный подтекст в «Слове» звучит гораздо более сдержанно.

Игорь Святославич был младшим князем на границе со степью. Как и многие представители русской знати того времени, семья Игоря была связана с азиатскими кочевниками, и он бок о бок с ними сражался против своих династических соперников⁶³. Тем не менее, согласно летописям, весной 1185 г. князь повел свою дружину на восток, против половцев⁶⁴. Не посоветовавшись со своим родственником, великим князем Киевским Святославом Всеволодовичем, Игорь выступил в одиночку вместе с братом, сыном Владимиром и дружиной.

Когда они шли через степь, многие колебались, и тут небо потемнело от солнечного затмения, традиционно дурного знака свыше. Игорь собрал свои отряды, и они продолжили путь. Первое время судьба благоволила Игорю, он легко захватил лагерь половцев. Но его успех оказался временным, уже следующим утром, пока его люди приходили в себя после победной пирушки, их внезапно атаковал враг. После трех дней жестокой битвы дружина Игоря была полностью разбита. Игорь вместе с сыном попали в плен к хану Кончаку. В отличие от Роланда, неудачный поход Игоря имел счастливый конец. Князь бежал из плена, а его сын женился на дочери хана, после чего ему позволили также вернуться домой.

Найденное в конце XVIII в. собирателем древностей «Слово о полку Игореве» было названо не кем иным, как Александром Пушкиным «уединенным памятником в пустыне нашей словесности»⁶⁵. Изысканность произведения, кажущаяся совершенно уникальной для Руси конца XII в., и тот факт, что рукописная копия XVI в. погибла в пламени московского пожара во время Отечественной войны 1812 г., привели к многочисленным спекуляциям на тему поддельности «Слова»⁶⁶. Это произведение, написанное, по всей вероятности, светским человеком, возможно, одним из бывших членов княжеской дружины, дает нам несколько ценных свидетельств о взглядах жителей Руси в отношении Востока⁶⁷.

Упоминания дохристианских богов, магии и других элементов язычества свидетельствуют о том, что молодая Православная церковь еще не полностью закрепились в сознании и воображении народа. Если в Ипатьевской летописи запись о фиаско Игоря объясняет его поражение божьим наказанием за грехи, то «Слово», скорее, осуждает глупую самоуверенность князя, его своеволие. Как подчеркивали многие комментарии, послы более позднего текста были совершенно политическим, – он указывал на опасности политического разъединения перед лицом внешней военной угрозы. В тексте есть только одно упоминание защиты веры, в самом конце, основной упор делается на борьбе «за землю русскую».

Лишним свидетельством служит то, что половцы в «Слове» не изображаются дьявольской силой. В отличие от летописи, слова «половецкий» и «поганый» используются как синонимы, оба являются скорее этническими характеристиками, а не религиозными. Если по словам Ипатьевской летописи, их предводитель был «бьяше окаянный и безбожный и треклятый Кончак», то самым сильным эпитетом в «Слове» можно назвать «поганый раб». В отличие от монахов, составлявших летописи, неизвестный автор «Слова о полку Игореве» считал половцев опасным противником, но не более того.

Предупреждения «Слова» об опасности раздоров оказались зловеще пророческими, когда полвека спустя в степи появился более страшный враг. Летописи повествуют о появлении в 1223 г. «татар», загадочного и необычайно жестокого кочевого степного народа. Даже

⁶³ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Статья: Игорь Святославич.

⁶⁴ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. С. 637–644.

⁶⁵ Vernadsky G. *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. 1845. № 8. P. 47, 217.

⁶⁶ Подобные рассуждения совсем недавно встретились в: Keenan E. *Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor Tale // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. № 54. P. 556–571. Защиту подлинности «Слова о полку Игореве» см.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и скептики // *Великое наследие*. М.: Современник, 1975, С. 348–363.

⁶⁷ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Статья: Автор «Слова».

половцы склонились перед ними, а их ханы призвали русских князей на помощь. «Нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро взята будет», – предупреждал один из ханов⁶⁸. После переговоров в апреле для встречи новой угрозы был организован совместный поход.

Плохо организованные, разрозненные, скованные противоречивыми друг другу указаниями командующих, союзники не могли ничего противопоставить татарам. Когда позднее, той же весной, они вступили в бой на берегу реки Калки, в южнорусской степи неподалеку от Азовского моря, то были жестоко разбиты и обращены в бегство. Но затем «злые татары» так же внезапно исчезли, как и появились. Они развернулись и исчезли на просторах Внутренней Азии. «И не съвѣдаем, откуда суть пршли и кдѣ ся дѣша опять, – писал летописец, – богъ вѣсть, отколе приде на нас за грѣхи наша»⁶⁹. На протяжении последующих 14 лет в степи воцарился неустойчивый, ненадежный мир.

Эти «татары» были, разумеется, монголами – блистательным кочевым союзом племен, который создал Чингисхан на рубеже XIII вв. из обычно неуправляемых наездников восточных степей Внутренней Азии, разбив несколько армий в Северном Китае, Персии и других странах, оказавшихся на пути. Их краткий набег на южную Русь в 1223 г. был всего лишь разведкой. В 1235 г., через восемь лет после смерти Чингисхана, его внук, хан Батый, возобновил движение в западном направлении. На следующий год он разгромил мусульманское государство волжских булгар, все его население было уничтожено.

Следующими на его пути встали княжества северо-восточной Руси. В ходе кампании 1237–1238 гг. были разрушены Рязань, Владимир и относительно скромный городок Москва, а великий князь Юрий Всеволодович был убит в сражении, и только после этого войско Батыя отступило. На следующий год оно обратило свое внимание на южную Россию, стирая с лица земли город за городом, пока наконец в декабре 1240 г. не захватило древнюю столицу – Киев. Благодаря счастливому наступлению весеннего половодья нетронутым остался Новгород, но его правитель князь Александр Невский разумно пообещал подчиниться хану и тем самым избавил свои владения от разорения.

На протяжении более двух столетий Россия находилась в подчинении или, как позднее было сформулировано, под «татарским игом»⁷⁰. Первые десятилетия были самыми суровыми, карательные экспедиции, болезни и экономическая разруха привели к сокращению численности населения более чем на четверть. И все-таки несмотря на первоначальную дань, завоевание Батыя отнюдь не было таким армагеддоном, как его изображали в летописях. В отличие от монгольских ханов в Китае, Персии и Центральной Азии, Батый воздержался от полной оккупации своих русских владений. Лес мало привлекал степных кочевников, а относительная бедность и отсталость княжеств еще больше снижала привлекательность территорий. Вместо этого ханы Золотой Орды, как впоследствии стали называть в России ханство Батыя, управляли территорией опосредованно, руководя из своей столицы, Сарая, находящейся в прикаспийской степи, через баскаков, или наместников, которые собирали дань и рекрутов, а также поддерживали порядок. Но к концу XIII в. эта система в основном была отменена в пользу еще более автономных коллаборантов из числа русской знати.

Несмотря на суровую дань, которую наложила Золотая Орда, экономика Руси не только восстановилась после набега, но в некоторых сферах даже извлекла пользу из чужеземного правления. Поскольку ханы были заинтересованы в увеличении доходов со славянских владений, они почти не препятствовали торговле. В результате северные города, в частности Новгород и Москва, стали богатеть благодаря широким торговым связям монголов. Однако главным

⁶⁸ Новгородская первая летопись М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 62.

⁶⁹ Там же. С. 63.

⁷⁰ Последующие рассуждения в основном базируются на: Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde*; Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; и в меньшей степени на: Vernadsky G. *Mongols and Russia*; Spuler B. *Die goldene Horde*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.

выгодоприобретателем от новых порядков на Руси стала Православная церковь. Несмотря на то что в начале XIV в. Золотая Орда приняла ислам, ее правители поддерживали традиции религиозной терпимости, характерной для степных племен. Русское духовенство свободно совершало богослужения и пользовалось налоговыми привилегиями, пока соглашалось молиться за благополучие хана. Именно в период монгольского ига церковь стала основным элементом русской национальной идентичности. Как отмечает Чарльз Гальперин, русские священники оказались в любопытном положении, «одновременно молясь о неминуемом проклятии всех монголов и (по соглашению) о здоровье хана»⁷¹.

В мире кочевников верховная власть в большей мере покоится на личной харизме, чем на порядке рождения. Кровные узы подтверждают легитимность, но право первородства не имеет такой значимости, как во многих оседлых обществах. В то же время поскольку ханы практиковали многоженство, то у них зачастую было много потенциальных наследников. Между многочисленными потомками Чингисхана нередко возникала борьба за его наследство. Золотая Орда пережила три других государства, родившихся на основе великой империи Чингисхана, но и ее прочность неизбежно слабела со временем, и уже к XIV в. она периодически сотрясала внутренними распрями.

В этот период мы видим усиление власти московских князей, которые проявили выдающиеся способности как в деле укрепления своей власти над русскими соперниками, так и в деле получения благоприятных позиций в Сарае. В 1380 г., во время одной из политических смут в Золотой Орде, московскому князю Дмитрию даже удалось оказать военное сопротивление в битве на Куликовом поле, на берегах Дона, в честь чего он и получил прозвище «Донской». Успех Дмитрия Донского оказался кратким, уже два года спустя враг разорил Москву и обложил еще более высокой данью. Тем не менее, поскольку политические распри в Сарае только усугублялись, Орде не удалось полностью восстановить свою власть. Внук Дмитрия, великий князь Василий II был последним, кто получил ярлык на княжение, его наследник, Иван III Великий, отказался подчиняться Орде в 1480 г.

Какими виделись в то время русским их азиатские сюзерены? На удивление, ответ дать не просто. В московской литературе, происходящей из церковных кругов, была сформирована самая мрачная картина двух с половиной векового ига восточного «другого». Это был крайне нелестный портрет. «Повесть о разорении Рязани» – типичный образец такого жанра. Расположенная у северо-восточной границы Руси Рязань оказалась первым русским княжеством на пути монгольского вторжения в 1237 г. История повествует в самых страшных деталях о разрушениях во время взятия княжеской столицы: «И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами, и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали – во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекали, а других в реке потопили... И не осталось во граде ни одного живого... И было все то за грехи наши». Еще не обратившиеся к тому моменты в ислам монголы, тем не менее, описывались характерными для Византии обличительными эпитетами «неверные», «безбожные», а также «дети Агари». Хан Батый одновременно характеризуется «лукав», «безбожный же, лживый и немилосердный царь»⁷².

«Повесть о разорении Рязани» была написана спустя много лет после описываемых в ней событий, вероятнее всего в XVI в.⁷³ Ученые отмечали, что современные монгольскому периоду тексты были по тону значительно мягче и зачастую минимизировали или вовсе игнориро-

⁷¹ Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. P. 114.

⁷² Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести древней Руси / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 9–19.

⁷³ Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. P. 109–167.

вали присутствие азиатских сюзеренов в соответствии с тем, что Гальперин назвал «идеологией молчания»⁷⁴. Отчасти это происходило потому, что Византия, духовный наставник России, в целом сохраняла довольно хорошие отношения с Золотой Ордой. В 1273 г. император Михаил VIII даже выдал свою дочь замуж за хана Ногая⁷⁵.

Еще любопытнее, как убедительно показывает Гальперин, что монастырские летописи той поры умалчивали о самом факте сюзеренства Сарая. Признавая, что орды хана Батыея разрушили русские земли, они представляли эти разрушения в том же свете, что набеги половцев. В каком-то смысле монахи были правы. Если не считать «баскаков», наместничавших в первые десятилетия после набега Батыея, монголы физически не оккупировали Россию. Как добавляет Гальперин, «сдержанность средневековых авторов в отношении истинной природы русско-татарских отношений не является следствием ни страха, ни незнания. Напротив, это была своеобразная форма сопротивления. Печальный результат же заключался в том, что эти тексты направили историков по ложному пути»⁷⁶.

Только после окончательного отказа Московского княжества выплачивать дань Золотой Орде и начала его контрнаступления Православная церковь взяла на вооружение более жесткую риторику в отношении монголов. Сравнение описаний одних и тех же событий, в частности Куликовской битвы, в источниках разного времени показывает, что это был относительно постепенный процесс, достигший своего апогея в XVI–XVII вв. Инвективы формулировались анахроничным, антиисламским языком Византии, использовавшимся в отношении предшественников монголов – половцев, но больший упор делался на лукавстве и коварстве захватчиков⁷⁷.

Использование московскими клириками слова «татары» приводило к созданию еще более смутной картины. По иронии судьбы татары изначально были главным племенем-соперником монголов в восточных степях. Китайцы долгое время вели дела с татарами и стали использовать их имя в качестве общего обозначения для всех кочевых соседей, обитавших за Великой стеной. Несмотря на то что в конце XII в. Чингисхан практически уничтожил племя татар, обозначение закрепилось, и его постепенно стали использовать арабы, индийцы и европейцы при описании всех монгольских кочевников. На Западе термин обладал еще более зловещими коннотациями, потому что легко смешивался с понятием «Тартар» – бездна в античной мифологии. Теперь слово «татары» относилось уже ко всем тюркским мусульманским потомкам, занимавшим бывшие степные владения Золотой Орды⁷⁸. Но при всей зловещей драматичности и длительности существования ига образ злых татар, созданный церковной полемикой, был не единственным взглядом жителей Московии на азиатский мир⁷⁹. Московские князья не только длительное время тесно общались с Золотой Ордой, но и часто действовали как их главные пособники на русской земле. В результате если Византия формировала образ Господа, то Сарай оказал значительное влияние на формирование светской политики Московского государства⁸⁰.

⁷⁴ Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke* Columbus, OH: Slavica, 1986. P. 13.

⁷⁵ Vernadsky G. *Mongols and Russia*. P. 165; Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. P. 138. Более детальный разбор дипломатии Сарая см.: Spuler B. *Goldene Horde*.

⁷⁶ Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde*. P. 74.

⁷⁷ Keenan E. *Muscovy and Kazan', 1445–1552: A Study in Steppe Politics*. PhD diss. Harvard University, 1965. P. 25–51; Halperin Ch. J. *Tatar Yoke*. P. 94–136; Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. P. 164–167.

⁷⁸ Atwood Christopher. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts on File, 2004. s. v. Tatar; Sinor D. *Le mongol vue par l'Occident // Studies in Medieval Inner Asia*, vol. 9. Ashgate, UK: Variorum, 1997. P. 62.

⁷⁹ Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. P. 167.

⁸⁰ Классическую дискуссию о совместном влиянии Византии и татар на представления москвитян о государственном устройстве см.: Cherniavsky M. *Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas*. 1959. № 20. P. 459–476.

Российские историки и сегодня продолжают обсуждать монгольское наследие, сам факт влияния монголов на Московию невозможно отрицать. По крайней мере, еще на протяжении XVI в. московские дипломаты следовали монгольской практике в общении со своими мусульманскими соседями⁸¹. Заимствование в русском языке таких слов с тюркскими корнями, как «деньги», «казна» и «таможня», показывает, какое влияние оказали татары на систему управления московского государства⁸². И действительно, именно позаимствовав некоторые степные методы, Москве удалось последовательно завоевать в 1550-е гг. Казанское и Астраханское ханства – два государства-наследника Золотой Орды⁸³.

Некоторые элементы Золотой Орды Московское государство заимствовало и напрямую, – приглашая ханов и менее значимых вельмож становиться русской аристократией⁸⁴. Еще до распада Орды многие представители «белой кости» (высший класс) поступили на русскую службу; даже еще во время Куликовской битвы некоторые татары воевали на стороне князя Дмитрия⁸⁵. Почти два века спустя, когда Иван IV пошел на запад и вторгся в Ливонию после присоединения Казани и Астрахани, во главе войска был поставлен татарский хан Шах-Али, а на протяжении всей довольно долгой кампании в русской армии на высоких должностях служили представители татарской знати⁸⁶. Подобно отношениям со степью, Москва без особого стеснения присоединяла другие государства и давала чужим элитам соответствующий статус внутри своего общества, пока представители этих элит соглашались служить правителю. И, например, в отличие от католической Испании при выборе супругов социальный слой был значимее принадлежности к нации (при условии, что избранный примет христианство). В результате в венах российской аристократии текла «голубая кровь» самых разных этносов.

Даже в официальном царском генеалогическом древе многие семьи имели татарское происхождение. К таким семьям относились, в частности, и столь знаменитые фамилии, как Юсуповы, Куракины, Дашковы, Кочубеи, Ушаковы и Карамзины. Некоторые из этих родословных были фиктивными, что отражало своеобразную «генеалогическую ксенофилию» русской аристократии⁸⁷. Склонность славянской знати бравировать азиатскими корнями – реальными или вымышленными – не предполагала наличия развитых расовых предрассудков в отношении Востока. Когда молодая поэтесса Анна Горенко выбирала себе псевдоним в начале XX в., она с готовностью взяла себе фамилию татарских родственников по материнской линии – Ахматова⁸⁸.

⁸¹ Белый цвет в монгольской географии символизировал запад, поэтому назначаемый в Сарае управляющий Русью назывался Белый князь. Когда московские правители стали считать себя равными хану, то они обозначили себя термином «Белый царь». Иван III и его преемники сами называли себя царями, но более ранний титул использовался в общении с азиатскими кочевниками вплоть до XIX в. См.: Keenan E. *Muscovy and Kazan*. P. 385. О дипломатии см.: Веселовский Н. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. Отчет С.-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 1–19; Юзефович Л. *Путь посла*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

⁸² Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde*. P. 90–91. О влиянии монгольского правления на другие аспекты жизни Московского государства см.: Alef G. *The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Service* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1967. № 15. P. 1–15; Bellamy C. *Heirs of Genghis Khan: The Influence of the Tatar-Mongols on the Imperial Russian and Soviet Armies* // *RUSI* 128, no. 1. March 1983. P. 52–60.

⁸³ Keenan E. *Muscovy and Kazan*. P. 400.

⁸⁴ Bushkovitch P. *Princes Cherkasskii or Circassian Murzas: The Kabardians in the Russian Boyar Elite, 1560–1700* // *Cahiers du monde russe*. 2004. № 45. P. 28; Martin J. *Multiethnicity in Moscow: A Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s – 1580s* // *Journal of Early Modern History* 2001. № 5. P. 1–23; Ланда Р. Г. *Ислам в истории России*. М.: Восточная литература, 1995. С. 56–58; Kennedy C. *The Jurchids of Muscovy: A Study of Personal Ties between Emigre Tatar Dynasts and the Muscovite Grand Princes in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* PhD diss. Harvard University, 1994. P. 47–49.

⁸⁵ Kennedy C. *Jurchids of Muscovy*. P. 20.

⁸⁶ Martin J. *Multiethnicity in Moscow*. P. 5. См. также: Martin J. *Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War* // *The Military and Society in Russia, 1450–1917* / E. Lohr and M. Poe, eds. Leiden, the Netherlands: Brill, 2002. P. 365–387.

⁸⁷ Unbegaun B. *Russian Surnames*. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 23–25; Баскаков Н. А. *Русские фамилии тюркского происхождения*. М.: Наука, 1979.

⁸⁸ Feinstein E. *Anna of All the Russias*. London: Weidenfeld and Nicholson, 2005. P. 10.

Близкие отношения русских с Золотой Ордой совершенно необязательно вызывали презрение. Если церковь постепенно вставала на позицию враждебности в отношении татар, то мнение светской знати оставалось куда более благосклонным. Говоря о контексте европейских отношений с другим мусульманским противником, один ученый заметил, что «на Западе существовало некое противоречие между прагматичной политикой властей в отношении Османов и общей тональностью публичной тюркофобии: первая зачастую никак не отражала степень враждебности второй»⁸⁹. Это же было справедливо в отношении Московского государства и монголов.

Как минимум до XVII в. именно степные кочевники доминировали в русском восприятии Востока. Но иногда в сознании вспышками врываются и другие восточные территории – Ближний Восток, Индия, а иногда и Китай. Некоторые представления черпались из хронографов – компиляций различных всемирных историй, базировавшихся на подобных византийских сборниках (или дигестах)⁹⁰. Первый русский Хронограф был создан в XV в., скорее всего, ученым сербом. С него уже делались копии с добавлениями недавних событий вплоть до эпохи Петра I. До того как в XVII в. участились контакты с Западом, одной из немногих визуальных репрезентаций известного мира в Московском государстве был также византийский источник – «Христианская топография» географа VI в. Козьмы Индикоплова, прозвище которого переводится как «плававший в Индию»⁹¹. В то же время доклады царских послов при различных восточных дворах давали относительно более объективную картину из первых рук об азиатских соседях. Однако в то время эти доклады мало кто читал⁹².

Образованным москвитам более известны были «хождения» – рассказы православных паломников о их путешествии на Святую Землю или в Царьград (Константинополь)⁹³. Первым таким «хождением» стало произведение игумена Даниила начала XII в.⁹⁴ Несколькими годами ранее крестоносцы заняли Палестину, и игумену выпала честь присутствовать на пасхальной службе в Храме Гроба Господня в качестве гостя франкского короля Иерусалима Балдуина. Даниил писал свое «хождение» в стиле «Бедекера» для православных верующих, и потому вполне естественно сосредоточился на тех местах, которые значимы для христиан. В то же время описание длительного путешествия превратило «хождение» в увлекательную историю. Как отмечает исследователь, игумен сохранял достаточно объективный тон, даже когда описывал «поганых» сарацинов⁹⁵. Позже «хождения» стали более критичными в отношении «нечестивых» и «злых, окаянных, жестоких» мусульман. А после того как в 1204 г. в ходе IV крестового похода был разграблен Константинополь, русских православных паломников уже

⁸⁹ Waugh D. C. *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants* Columbus, OH: Slavica, 1978. P. 188.

⁹⁰ Русский хронограф // Полное собрание русских летописей. Т. 22. М.: Языки славянской культуры, 2005; Крачковский И. Ю. *Очерки по истории русской арабистики*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 20–21; Зимин А. А. *Русские летописи и хронографы конца XV – XVI в.* М.: Моск. гос. историко-архивный ин-т, 1960. С. 8–9.

⁹¹ Kivelson V. *Cartographies of Tsardom*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006, 229n53. Изольда Тирет любезно предоставила мне копию своего анализа рецензии этого текста в Московском государстве, см.: Thyret I. *Kosmas Indikopleustes' Christian Topography in Sixteenth-Century Russia* paper presented at the annual conference of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boca Raton, FL, 1998.

⁹² Данциг Б. М. *Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси // Очерки по истории русского востоковедения*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 1. С. 209–213. Детальное описание этих источников в XVII в. см.: Рогожин Н. М. *Посольский приказ М.: Международные отношения, 2003*.

⁹³ Малето Е. И. *Антология хождений русских путешественников, XII–XV века*. М.: Наука, 2005. См. также: Seemann K.-D. *Die altrussische Wallfahrtsliteratur* Munich: Wilhelm Fink, 1976; Lenhoff Vroon G. *The Making of the Medieval Russian Journey* PhD diss. University of Michigan, 1978; Majeska G. P. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1984.

⁹⁴ Игумен Даниил. *Хождение Даниила, игумена русской земли // Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников*. С. 163–208.

⁹⁵ Данциг Б. М. *Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси*. С. 194.

ничто не сдерживало в своих рассказах о путешествиях от обвинений в адрес «нечестивых» подлых католиков⁹⁶.

Самым популярным средневековым «хожением» стало самое увлекательное. В описании религиозных памятников и церемоний оно следовало многим традициям жанра, но пунктом назначения была нехристианская Индия⁹⁷. В 1466 г. царь Иван III послал дипломатическую миссию в небольшое закавказское царство Ширван, на территории современного Азербайджана. Среди прочих, в посольстве состоял и тверской купец Афанасий Никитин⁹⁸. Когда посольство приближалось к Каспийскому морю, около Астрахани на них напали татары и рассеяли путешественников. Одни вернулись в Россию, а Никитин отправился в Персию, затем пересек Аравийское море и оказался в Индии.

Московиты XV в. практически ничего не знали об Индии, им было известно только, что это далекая сказочная страна, о которой повествовали такие византийские источники, как «Сказание об Индийском царстве» и «Христианская топография»⁹⁹. Первый из них основывался на легенде о мифическом азиатском христианском монархе Пресвитере Иоанне и описывал волшебное царство со сказочными богатствами, где обитают экзотические люди и звери. Эти истории оставили свой след в народной культуре. Так, одна былина подробно излагает подвиги Дюка Степановича, изящного боярского сына, прибывшего ко двору князя Владимира в Киев из «Индии богатой»¹⁰⁰. Как патриотично указывают в России, опередивший на 25 лет Васко да Гама Никитин стал первым жителем России, оставившим описание Индии как очевидец¹⁰¹.

Отважный купец провел четыре года в мусульманском султанате Бахманийском, который в то время вел войну против своего южного индуистского соседа, империи Виджаянагар. «Хождение за три моря» начинается так, как и положено труду благочестивого православного христианина: «За молитву святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, раба своего грѣшнаго Афонася Микитина сына»¹⁰². Переправившись через два моря – Каспийское и Аравийское, в 1469 году Никитин высадился в индийском порту Чивиль, к югу от современного Мумбая. Его поразило, что «люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы», он добавляет: «А мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку»¹⁰³. Еще одно несчастье подстерегало Никитина на пути, когда в городе Джунаар хан конфисковал у него жеребца и требовал с него выкуп в тысячу золотых монет, если русский купец не обратится в ислам. Чудесное вмешательство некоего доброго мусульманского аристократа спасло купца от вероотступничества, и он проследовал дальше в глубь материка, в столицу Бахмани, город Бидар.

Полтора года провел Никитин в этом городе и его окрестностях. Здесь он увидел мусульманский двор во всем его великолепии, с семивратным дворцом, построенным из обильно

⁹⁶ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников. С. 134–135.

⁹⁷ Трубецкой Н. С. Хождение за три моря Афонася Никитина как литературный памятник // *Trubetskoi. Three Philological Studies Ann Arbor: Michigan Slavic Materials*, 1963. P. 37–38; Lenhoff Vroon G. *Making of the Medieval Russian Journey*. P. 206–214.

⁹⁸ Афанасий Никитин. Хождение за три моря / под ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

⁹⁹ Сперанский М. Н. Индия в старой русской письменности // Сергею Федоровичу Ольденбергу к пятидесятилетию научной общественной деятельности 1882–1932: Сб. статей. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 463–466; Sabsoub J.-P. *Die Reise des Kaufmanns Nikitin von der Rus' nach Indien, 1466–1472: Ein Beitrag zur Begegnung mit den Anderen* // *Mundus Reihe Ethnologie*, vol. 20 Bonn: Holos, 1988. P. 20–24; Stacy R. H. *India in Russian Literature*. Delhi: Motilal Banarsidas, 1985. P. 20–22; О древних взглядах западноевропейцев см.: Rawlinson H. G. *India in European Thought and Literature*. // *The Legacy of India* / G. T. Garratt, ed. Oxford: Oxford University Press, 1937. P. 1–26.

¹⁰⁰ Дюк Степанович // Путилова Б. Н. Былины. Л.: Советский писатель, 1957. С. 354.

¹⁰¹ Николай Карамзин, хотя он и не уточнял годы, сталкивался с версией рукописи XVI в. в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры. См.: Карамзин Н. М. *История государства российского*. Кн. 2. СПб.: V Тип. Эдуарда Праца, 1842. С. 226–227.

¹⁰² Афанасий Никитин. Хождение за три моря. С. 11.

¹⁰³ Там же. С. 13.

позолоченного тесаного камня. Как пишет Никитин, куда бы ни направился султан, его сопровождают 10 тысяч всадников, 50 тысяч пеших солдат, 200 слонов в позолоченной броне, а также сотни трубадуров, танцовщиков, обезьян и юных девушек. Аристократы путешествуют в серебряных носилках, перед которыми идут 12 лошадей в золотой упряжи. Но рядом существует и много нищеты, поскольку «А земля людна велми, а сельская люди голы велми»¹⁰⁴. Спустя какое-то время Никитин завоевал доверие индуистов, составлявших значительную часть населения султаната. Он описывает их религию с некоторыми подробностями, упоминая много «бут» (то есть Будд – статуи божества), которым они молятся «по-русски», а также кастовую систему.

Подобно многим путешественникам на Восток, женщин он описывает как склонных к разврату: «А жены же их мужи своим спячь в день, а ночи жены их ходять к гарипомъ да спячь с гарипы (чужестранец)... а любячь гостей людей бѣлых»¹⁰⁵. Другие подробности столь же фантастичны, включая испускающую огонь птицу «гукук» и хорошо организованную армию обезьян, обитающую в лесу. Но в целом рассказ купца примечателен своей прозаичной объективностью в ту эпоху, когда для европейских сказок о заморских царствах более всего были свойственны мандевильские¹⁰⁶ чудовища.

Еще более поразительна постепенная исламизация Никитина, произошедшая за годы, проведенные вдали от дома. Если в начале путешествия мы видим благочестивого христианина, то со временем автор «Хождения» все больше и больше принимает религиозные исламские обычаи. Он утратил счет времени по христианскому календарю и начал соблюдать мусульманские традиции, включая пост в месяц рамадан. Молитвы он читает на причудливой смеси арабского, тюркского и славянского языков, заканчивая свою книгу в совершенно макароническом стиле: «Милостию Божиею преидох же три моря. Олло акьбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, ааликъсомом. Олло акьберь. А илягаиля илелло. Олло переводигерь. Ахамду лилло, шукур худо афатад»^{107/108}.

За время, проведенное в исламском мире, Никитин постепенно проникся убеждением, что между двумя монотеистическими религиями нет огромной пропасти. «Мамет дени иариа. А расть дени худо донот – а правую вѣру Богъ вѣдает. А праваа вѣра Бога единаго знати», – замечает он¹⁰⁹. Один американский исследователь даже предположил, что Никитин тайно принял ислам, хотя более вероятно, что он просто адаптировался к новой обстановке. По крайней мере, купец не поделился ни с кем из православного духовенства своим обращением к Пророку¹¹⁰.

В апреле 1471 г. «в пятый же Велик день възмыслих ся на Русь», – сообщает нам Никитин¹¹¹. Совершив длинный крюк, чтобы посетить, помимо других экзотических мест, изумруд-

¹⁰⁴ Там же. С. 17.

¹⁰⁵ Там же. С. 21–22. Этот пассаж был вычищен из роскошного четырехязычного (церковнославянский, русский, хинди, английский) подарочного издания, выпущенного на пике советско-индийской дружбы. См.: Афанасий Никитин. Хожение за три моря / под ред. С. Н. Кумкес. М.: Географгиз, 1960. С. 116. Об усилиях Москвы по использованию этого произведения для улучшения отношений и упрочения связей с Дели см.: Tillet Lowell R. The Soviet Popularization of Afanasii Nikitin's Trip to India: An Example of Planned Publishing // Images of India / Balkrishna G. Gokhale, ed. New York: Humanities Press, 1971. P. 172–191.

¹⁰⁶ От имени сэра Джона Мандевила, английского дворянина XIV в., знаменитого рассказами о путешествиях неизвестных людей, собранных неизвестного где. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁷ Аллах велик, Господь благословен, благословен Господь, Иисус, дух Божий! Да пребудет с вами мир! Бог велик. Нет бога, кроме Аллаха-Творца. Хвала Господу, Слава Господу! Во имя господя, милостивого и милосердного. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁸ Афанасий Никитин. Хожение за три моря. С. 30.

¹⁰⁹ Там же. С. 26.

¹¹⁰ Lenhoff G. Beyond Three Seas: Afanasij Nikitin's Journey from Orthodoxy to Apostasy // East European Quarterly. 1979. № 13. P. 431–445; Batunski M. Muscovy and Islam: In a Further Quest of an Empirical and Conceptual Compromise 'The Journey beyond Three Seas' by Afanasy Nikitin // Saeculum 1988. № 39. P. 289–292; Sabsoub J.-P. Die Reise des Kaufmanns Nikitin. P. 161–162; Keenan E. Muscovy and Kazan'. P. 372–373.

¹¹¹ Афанасий Никитин. Хожение за три моря. С. 27.

ные и сердоликовые месторождения, он добрался до порта Дабыль и сел на корабль до Ормуза в феврале 1472 г. Девять месяцев спустя он вернулся в родную страну, проехав через всю Персию и Черное море (третье море в названии «Хождения»). С коммерческой точки зрения поездка оказалась провальной. Цены в исламской Индии для неверных были дискриминационными и просто оказались слишком высокими для русского торговца, чтобы получить выгоду от продажи местных товаров. Кроме того, Никитин умер, не успев добраться до родного города. Но его рассказ сохранился и принес ему литературную славу. К концу века по стране циркулировало уже несколько списков «Хождения», и сегодня повествование Никитина остается одним из любимых произведений русской средневековой литературы.

Самыми знакомыми восточными «другими» для Московии оказались исламские соседи. После того как Иван Грозный завоевал Казанское и Астраханское ханства, российские правители могли только наблюдать, как увеличивается количество татар и других тюркских подданных в границах их владений. Согласно переписи 1897 г., первой в Российской империи, они составляли 11 % населения, то есть являлись третьей по численности этнической группой после собственно русских и украинцев¹¹². Большинство татар жили в своих исконных регионах, в основном в среднем и нижнем течении Волги на востоке, а также в Крыму. Но со временем они также образовали значительные общины в крупнейших городах империи.

Афанасий Никитин был не единственным русским купцом XV в., отправившимся на восток. Многие ездили в азиатские страны, прежде всего в Турцию и Персию¹¹³. Однако в отличие от Никитина они почти не оставили письменных свидетельств о своих путешествиях. Большинство московских текстов о Востоке, дошедших до нас, принадлежат перу духовенства. Как мы уже упоминали, они становились все более враждебными Востоку, поскольку церковь активно поддерживала экспансионистские планы самодержцев. Тем не менее антагонизм проявлялся скорее в летописях и исторических сказках о сражениях России с басурманами, чем в полемических текстах. Пол Бушкович объясняет, что до XVIII в. в России не существовало развернутой полемической литературы, направленной против магометанской веры. Он добавляет: «До Петра знание об исламе в России не было распространено и ограничивалось короткими и зачастую неточными описаниями исламских обычаев»¹¹⁴.

Несмотря на прямые контакты с Золотой Ордой, которые имелись у Москвы уже после того, как в начале XIV в. там был принят ислам, большая часть московского духовенства черпала свои знания об этой религии из Византии. Впечатляет, что самый длинный отрывок на эту тему в «Повести временных лет» принадлежит «греческому философу», которого родная константинопольская церковь послала в 986 г. в Киев, чтобы убедить Владимира принять восточную версию христианства. Образованный грек начинает свою речь с дискредитации предыдущих миссионеров от мусульман Волжской Булгарии, вера которых «оскверняет небо и землю». Последователи Мухаммеда «иже суть прокляти паче все человек», их ждет та же судьба, что Содом и Гоморру, «на неже пусти, Господь, каменье горяще и потопаи я». Помимо объяснений того, что их ждет вечное проклятье, православный ученый не использовал никаких других сложных теологических аргументов против мусульман. Вместо этого он уничижительно отзывался об их гигиене, рассказывал, что они размачивают свои экскременты и пьют эту жидкость. Владимир соглашается, что это отвратительный обычай¹¹⁵.

За несколько столетий лишь некоторые разрозненные византийские тексты, посвященные исламу, проникли на север. Среди них был и текст Иоанна Дамаскина, вероятно, един-

¹¹² Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899. Статья: Россия.

¹¹³ Martin J. Muscovite Travelling Merchants: The Trade with the Muslim East 15th and 16th Centuries // *Central Asian Survey* 4, no. 3. 1985. P. 21–22.

¹¹⁴ Bushkovitch P. Orthodoxy and Islam in Russia, 988–1725 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* (готовится к публикации).

¹¹⁵ Лаврентьевская летопись. С. 86.

ственный из всех переведенный на русский язык до XVII в.¹¹⁶ Родившийся в обеспеченной сирийской христианской семье примерно в 50-й год хиджры, святой Иоанн начал свою карьеру сборщиком налогов для халифов из династии Омейядов, но со временем ушел в православный монастырь около Иерусалима. Автор текстов по самым религиозным вопросам, он первым из христианских теологов развернул аргументацию против ислама в труде «О ереси» – описании более сотни «ложных» верований. Если говорить кратко, Иоанн Дамаскин утверждал, что Мухаммед был ненастоящим пророком и что он защищал сексуальную распущенность. Однако за исключением высмеивания суры из Корана про чудесного верблюда он более никак напрямую не затрагивает исламское учение¹¹⁷.

Трактаты против ислама писали и другие восточные христиане, в частности Никита Хониат и Император Иоанн IV, но их инвективы были менее ядовитыми, чем тексты латинской церкви. Более тесные дипломатические и торговые связи с халифатом Аббасидов и другими мусульманскими державами как-то умеряли взгляды византийцев. Еще важнее было то, что после разграбления Константинополя в 1204 г. во время Крестового похода православные христиане все больше не доверяли Риму. Так, по словам французского медиевиста Алена Дюселье, византийцы начали «сравнивать католиков с мусульманами, все больше и больше отдавая первенство вторым»¹¹⁸.

Одним из немногих собственно московских авторов, писавших об исламе, был монах Максим Грек, «первый подлинный ученый Русской Церкви», по словам одного голландского историка¹¹⁹. Максим появился на свет около 1470 г. в греческом городе Арта под именем Михаила Триволиса. Получил образование в Италии эпохи Ренессанса, затем жил в православном монастыре на горе Афон, когда в 1515 г. великий князь Василий III послал миссию за каким-нибудь образованным старцем, который помог бы перевести на славянский язык литургические книги. Несмотря на то что во время пребывания на Руси его длительное время подвергали наказаниям по обвинению в ереси, он оставил много трудов по духовным вопросам, включая полемические труды против католицизма, иудаизма и ислама. В числе последних были такие работы, как «Слово обличительное против агарянского заблуждения и против измыслившего его скверного пса Магомета» и «Ответы христиан против агарян, хулящих нашу православную христианскую веру», принадлежащие к византийской полемической традиции, заложенной святым Иоанном Дамаскином восемью веками ранее¹²⁰.

Помимо трудов Максима, получившего образование в католической среде, после падения Константинополя серьезные труды об исламе в Московское государство приходили с Запада. Одним из таких трудов был книга Рикколько да Монте Кроче «Contra legem sarracenicorum» («Против сарацинского закона»)¹²¹. Доминиканский миссионер XIII в., совершивший путешествие в Багдад, в своем труде повторил обычные выпады относительно личности Пророка и истинности Корана¹²². Отношение Рима к исламу традиционно было более враж-

¹¹⁶ Bushkovitch P. Orthodoxy and Islam.

¹¹⁷ Khoury A.-Th. Les theologiens byzantins et l'Islam Leuven. Belgium: Editions Nauwelaerts, 1969. P. 47–67; Meyendorff J. Byzantine Views of Islam. *Dumbarton Oaks Papers*. 18. 1964. P. 115–120; Daniel N. Islam and the West: The Making of an Image. Oxford: Oneworld, 2000. P. 13–14.

¹¹⁸ Ducellier A. Chretiens d'Orient. P. 19.

¹¹⁹ Bercken W. van den. De mythe van het Oosten: Oost en West in de religieuze ideëngeschiedenis. Zoetermeer, the Netherlands: Uitgeverij Meinema, 1998. P. 147. Биографии Максима Грека см.: Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident Paris: Desclée de Brouwer, 1943; Haney J. From Italy to Muscovy: The Life and Works of Maxim the Greek. Munich: W. Fink, 1973; Синицына Н. В. Максим Грек в России. Л.: Наука, 1977; Langelier A. Maksim Grek: Byzantijn en humanist in Rusland. Amsterdam: J. Mets, 1986. Описание корпуса текстов отца Максима см.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л.: Наука, 1969.

¹²⁰ Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека. Т. 1. Казань: Тип. Имп. университета, 1894. С. 77–130, 151–168; Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 22–23; Bushkovitch P. Orthodoxy and Islam.

¹²¹ Buskovitch P. Orthodoxy and Islam.

¹²² Daniel N. Islam and the West. P. 76–88; Tolan J. V. Saracens: Islam in the Medieval European Imagination. New York: Columbia University Press, 2002. P. 251–254. Последнее исследование, посвященное работе миссионеров: Tvrtkovic R. G. The

дебным, чем отношение Восточной церкви¹²³. Однако, как показывает русская политика на новоприсоединенных татарских землях Поволжья, циркулирование подобных текстов (пусть и ограниченное в значительной мере кругом православного духовенства) необязательно транслировалось в безжалостную ассимиляцию мусульманских подданных: московские цари не стали следовать примеру Испании после взятия Гранады в 1492 г.

Понять традиционное отношение к Востоку светских кругов несколько сложнее, но определенные ключи нам дают былины и сказки¹²⁴. Церковь неодобрительно смотрела на литературу подобного рода, поэтому они передавались в основном устно, пока в XIX в. этнографы не стали их систематически записывать. Происхождение этих эпосов и сказок установить сложно, но в целом они отражают допетровские воззрения.

Наиболее популярными являлись былины «Киевского цикла», повествующие о подвигах богатырей при дворе великого князя Владимира. Представляя собой смесь сказок и истории, былины занимают в русской культуре место, сравнимое с тем, какое в Англии занимают легенды о короле Артуре. Там присутствуют и Змеи, и разбойники, но главным и постоянным противником богатырей является Татарин, под таким именем были известны монголы, появившиеся на исторической арене в XIII в. Доблестный Илья Муромец неизбежно отправляется на битву в степи с этими врагами – амальгамой идолопоклоннических образов печенегов, половцев и мусульманской Золотой Орды. Даже «поганый змей», с которым сражается Илья вместе со своим братом по оружию Добрыней Никитичем, часто имеет тюркские черты и происходит с «сарацинских гор», расположенных на востоке¹²⁵.

В сказках, как и в эпосе, чужеземный враг всегда азиат. Одни повествуют о доблестных подвигах в битве против сарацин, другие о жестоких турецких султанах. Индия и Китай предстают, однако, не столь страшными. В одной сказке Иван-богатырь, «крестьянский сын» отправляется в Срединное царство, где покоряет сердце императорской дочери Лаоты, и, убив наводящего ужас соперника, женится на ней и получает трон. Близкое знакомство с Востоком косвенно влияло и на фольклор. По словам слависта Романа Якобсона, «контакты и вражда древней Руси с кочевым тюркским миром унаследованы во многих именах и чертах русских сказок»¹²⁶. Даже само слово «богатырь» пришло на Русь от татар¹²⁷.

Некоторые фольклорные представления о Востоке сохранились вплоть до начала XX в. «Копеечные повести» и другие дешевые литературные поделки по-прежнему рисовали для новых образованных слоев и низших страт среднего класса в последние десятилетия существования царизма угрожающий образ Ближнего Востока¹²⁸. Татары продолжали считаться самым опасным меньшинством внутри империи, а турки – главной внешней угрозой. Типичные истории имели такие названия: «Рабство у азиатов», «Турецкая пленница», «Турецкие развлечения, или Магометанское скотоложество»¹²⁹.

Разумеется, калейдоскопическое сказочное шоу, мерцавшее в умах жителей Московии, не могло дать полную картину. Как и в киевские времена, частые контакты, смешанные браки

Ambivalence of Interreligious Experience: Riccoldo da Monte Croce's Theology of Islam. PhD diss. University of Notre Dame, 2007.

¹²³ Исследования об отношении средневековых европейцев к исламу см.: Daniel N. Islam and the West; Tolan J. V. Saracens; Southern R. Western Views of Islam in the Middle Ages. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962.

¹²⁴ Путилова Б. Н. Былины; An Anthology of Russian Folk Epics Armonk / Bailey J., Ivanova T., перев. NY: M. E. Sharpe, 1998; Alexander A. E. Vylyna and Fairy Tale. The Hague: Mouton, 1973; Народные русские сказки: в 3 т. / под ред. А. Н. Афанасьева. М.: Художественная литература, 1953.

¹²⁵ Благодарен Наталье Кононенко за это наблюдение. Путилова Б. Н. Былины. С. 104; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 118.

¹²⁶ Jakobson R. On Russian Fairy Tales // Russian Fairy Tales / trans. Norbert Gutman. New York: Pantheon, 1973. P. 649–650.

¹²⁷ Татары в свою очередь позаимствовали это слово из персидского: багадур – атлет. Jakobson R. On Russian Fairy Tales. P. 646; Стасов В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. № 4. С. 309.

¹²⁸ Brooks J. When Russia Learned to Read. Princeton., NJ: Princeton University Press, 1985. P. 214–245.

¹²⁹ Ibid. P. 228.

с соседями на юго-восточной границе смягчали различия между «своим» и «другим»¹³⁰. Степные казаки, которых один ученый удачно назвал «славянско-восточным синтезом», представляют собой самое яркое проявление этого феномена¹³¹. Будучи православными по вероисповеданию, они включали представителей разных национальностей – русских, поляков, татар и многих других. А практикуемый казаками стиль боевых действий во многом брал свои корни в традициях их предшественников в Диком Поле, которые были родом из Внутренней Азии.

Изначально степные кочевники были для России «восточным другим». Судя по описаниям, сохранившимся в монастырских летописях, встречи были исключительно враждебными, а славянские жители лесов постоянно страдали от набегов и войн. Эти мрачные тексты вводят в заблуждение, так как отношения между лесом и степью были антагонистическими далеко не всегда и не во всем. Наряду со столкновениями во взаимодействии европейских славян с кочевниками из Внутренней Азии, оставалось место для торговли, смешанных браков. В повседневной жизни чаще имел место симбиоз, а не борьба. Даже два с половиной века монгольского правления были более благополучными, чем нас пытаются уверить тексты, составленные клириками вскоре после этих событий.

Письменные источники об отношении к Востоку в эпоху Московского государства остаются фрагментарными, но также в целом выдают антагонизм, прежде всего в отношении ислама. Большая часть этих текстов также создавалась Православной церковью, которая стремилась дать постоянную идеологическую подпитку военным кампаниям царей против мусульманских врагов. Рядовые жители Руси черпали свои знания об Азии из византийских источников, тогда как Запад представал перед ними в более светском облике. Но это произойдет уже в эпоху правления Петра I, на рубеже XVII–XVIII вв.

Однако церковь, изображавшая мусульманский восток далеко не в благоприятном свете, не смогла узурпировать право на формирование отношения русских к этим территориям. Повесть Афанасия Никитина о своем путешествии в Индию, появившаяся в XV в., дает нам об этом ясное представление. Однако еще важнее, что у русских сравнительно поздно развилось чувство национальной идентичности. Поэтому их чувство нации было в то время значительно слабее, чем у западноевропейцев. Вплоть до эпохи модерна главной точкой опоры крестьянина была принадлежность к православной христианской вере. Не случайно слово «крестьянин» родственно слову «христианин». Но ключевым здесь было слово «православный» – католические «немцы» (западные иностранцы) были не менее чужими, чем мусульманские басурмане. Согласно известной пословице «много бед нам наделали – хан крымский да папа римский»¹³².

¹³⁰ Дискуссию о взаимоотношениях Московии со степью см.: Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. P. 15–34. В одной недавней работе подчеркивается враждебность между жителями Руси и мусульманскими соседями, см.: Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press, 2002.

¹³¹ Ланда Р. Г. *Ислам в истории России*. С. 74–85. См. также: Seaton A. *The Horsemen of the Steppes*. New York: Hippocrene Books, 1985. Более точечное исследование об одном случае тесного контакта между казаками и соседними мусульманскими общинами, пусть и в эпоху империи, см.: Barrett Th. M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

¹³² Даль В. И. *Пословицы русского народа*. М.: Художественная литература, 1957. С. 348.

Глава 2

Петровская заря

России суждено сделаться посредствующим звеном между двумя мирами – западным и восточным.
Готфрид Вильгельм фон Лейбниц

История ориенталистики как академической дисциплины в России начинается с эпохи Петра Великого, на рубеже XVII–XVIII вв. Царь закладывал основы систематического научного изучения Востока, подталкиваемый как торговыми и политическими амбициями в Азии, так и искренним желанием познать окружающий мир¹³³. Как и во многих проектах по формированию своей империи по западному современному обществу, Петр полагался в этом вопросе на советы иностранца. Германского философа и математика Готфрида Вильгельма фон Лейбница долгое время привлекал Китай¹³⁴. Будучи одной из ведущих фигур раннего Просвещения, Лейбниц полностью разделял увлечение своего века Средним царством. Подобно многим современникам, он прочитал позитивные отчеты иезуитов, в которых империя Цин изображалась апофеозом разума и терпимости, и стал рассматривать эту цивилизацию как эквивалент своей собственной. По словам Лейбница, «людское образование и утонченность сегодня... сконцентрированы как будто в Европе и Хине, которая украшает Восток, подобно тому, как это делает Европа на противоположном краю земли»¹³⁵.

Среднее царство могло многому научить Запад. Не достигнув таких высот в технологиях и военном деле, Китай создал политический порядок гораздо более совершенный, чем в Европе. «Трудно описать, – утверждает Лейбниц, – как прекрасны законы китайцев, на контрасте с законами других народов, они направлены на достижение общественного спокойствия и установление социального порядка»¹³⁶. Не менее важно для человека, взрослевшего в период после Тридцатилетней войны – конфликта, вызванного во многом религиозной ненавистью и охватившего большую часть Германии в первой половине XVII в., было почти полное отсутствие религиозных преследований в империи Цин. Указ императора Канси 1692 г., который гарантировал веротерпимость в отношении католических миссионеров, ярко контрастировал с решением Людовика XIV семью годами ранее об отмене Нантский эдикт, тем самым лишить французских протестантов права на свободу вероисповедания¹³⁷.

В не меньшей степени, чем Китай, всеядный ум германского эрудита занимала Россия. Если цивилизация концентрируется на двух полюсах Евразии, то это совсем не означает, что земли, находящиеся между ними, обречены на варварство¹³⁸. При правителе, склонном принести просвещение своим подданным, «московиты» одарены уникальным географическим положением, поскольку их «обширное царство связывает Европу с Китаем»¹³⁹. Научившись лучшему у обеих сторон, молодая нация Петра I сможет постепенно достичь более высокого

¹³³ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 391.

¹³⁴ Franke O. Leibniz und China // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1928. № 82. P. 155–178; Roy O. Leibniz et la Chine. Paris: J. Vrin, 1972; Lach D. E. Leibniz and China // Discovering China: European Interpretations in the Enlightenment / J. Ching and W. G. Oxtoby, eds. Rochester, NY: University of Rochester Press, 1992. P. 97–116.

¹³⁵ Leibniz G.-W. Preface to the Novissima Sinica // Writings on China / trans. D. J. Cook and H. Rosemont Jr. Chicago: Open Court, 1994. P. 45.

¹³⁶ Ibid. P. 47.

¹³⁷ Spence D. The Chan's Great Continent. P. 83.

¹³⁸ После изучения победы Петра над шведами под Полтавой Лейбниц, однако, назвал его Северным Турком, см.: Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

¹³⁹ Leibniz G.-W. Preface to the Novissima Sinica. P. 45.

уровня развития¹⁴⁰. Таким образом, по Лейбницу, Россия оказывалась одновременно промежуточком и географически связующим звеном между Востоком и Западом.

Основные представления Запада были не слишком оригинальными. В XVI в., когда английские торговцы искали кратчайшие пути к сказочным богатствам Китая, неустрашимые авантюристы, такие как Энтони Дженкинсон, путешествовали по суше через Россию и Центральную Азию в поисках подходящего маршрута. Но если исследователи елизаветинской эпохи рассматривали Россию как потенциальный торговый канал связи, то Лейбниц считал ее каналом передачи знаний и мудрости. По его словам, России «суждено сделаться посредствующим звеном между двумя мирами – западным и восточным»¹⁴¹. Более того, при таком энергичном правителе, как царь Петр, Россия станет чем-то большим, чем обычная торговая магистраль.

Существовала и другая причина интереса германского философа к владениям Петра. Лейбниц долгое время был поборником идеи объединения образованных людей, которое под покровительством монарха собирало бы и распространяло знания для улучшения человеческой природы, подобно Лондонскому Королевскому обществу¹⁴². Он уже посоветовал курфюрсту Бранденбурга Фридриху III учредить то, что впоследствии, в 1700 г., станет Прусской Академией наук. Бескрайние владения Петра открывали заманчивые перспективы перед *Gelehrt Collegium*¹⁴³.

Узнав о том, что в 1697 г. царь запланировал совершить «Великое посольство» в Европу, Лейбниц приложил все усилия, чтобы добиться аудиенции для продвижения своего проекта¹⁴⁴. Потерпев в этот раз неудачу, Лейбниц смог добиться личной встречи 14 лет спустя, когда Петр прибыл в Саксонию для празднования женитьбы своего старшего сына Алексея на германской принцессе¹⁴⁵.

Император не выразил большого воодушевления во время беседы с Лейбницем, но переписывался с ним на протяжении последующих пяти лет и спрашивал о более конкретных предложениях по созданию учебных институций¹⁴⁶. Сам термин нравился Петру, на которого оказало благоприятное впечатление посещение в 1698 г. Королевского общества. В 1717 г., во время своей второй большой поездки по Европе, Петр вел интенсивные переговоры с членами Французской *Academie des Sciences*, которая сделала его членом Академии *hors de tout rang*^{147/148}. Восемь лет спустя, 27 декабря 1725 г., состоялось первое официальное заседание Российской Академии наук.

Лейбниц, скончавшийся в 1716 г., не застал открытия Академии (как и Петр, умерший от болезни в январе 1725 г.). Возможно, преждевременная кончина уберегла Лейбница от разочарования: он не увидел, что учреждение, возникшее на берегах Невы, в нескольких важных

¹⁴⁰ Герье Вл. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. С. 124.

¹⁴¹ Там же. С. 2.

¹⁴² Franke O. *Leibniz und China*. P. 160.

¹⁴³ *Gelehrt Collegium* (нем.). – Коллегия наук, термин, предложенный Лейбницем для научной организации в России. – *Примеч. пер.*

¹⁴⁴ Герье Вл. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. С. 11–18.

¹⁴⁵ Там же. С. 119; Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1870. Т. 1. С. XXI–XXII.

¹⁴⁶ Герье Вл. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. С. 133–200; Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: V тип. тов. «Общественная польза», 1862. С. 25–33. Патриотично настроенные русские, сочтя германское влияние на свои академические институции неприятным, постепенно понизили роль Лейбница, см.: Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. С. 32–33.

¹⁴⁷ Вне всех категорий (фр.). – *Примеч. пер.*

¹⁴⁸ Vucinich Al. *Science in Russian Culture: A History to 1860*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1963. P. 65–66; История Академии наук СССР / под ред. К. В. Островитянова и др. Т. 1. М.: Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 1. С. 30; Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 307.

аспектах отличается от его замысла. Наиболее бросающимся в глаза отличием стало отсутствие отделения педагогики. Лейбниц, страстно увлекавшийся вопросами образования, всегда подчеркивал, что академические институты Петра должны быть активно вовлечены не только в исследования, но и в преподавание¹⁴⁹. Эта рекомендация, как и многие другие, была отражена в Сенатском проекте января 1724 г. о «социетете» (обществе), а также университете и гимназии (средней школе)¹⁵⁰. Однако, когда в следующем году Академия открыла свои двери, упоминаний об университете уже не было. Гимназия при Академии сохранилась, но она всегда находилась в тени блестящих исследовательских институтов¹⁵¹.

В различных предложениях Лейбница для образованных обществ постоянно говорилось о необходимости изучать Азию¹⁵², и его предложение о российской *Gelehrte Collegium* не стало исключением. Уже в 1712 г. в письме, написанном после встречи с императором в Торгау, Лейбниц выражал надежду, что «ваше высочество может соединить Китай с Европой» посредством распространения наук¹⁵³. Однако в Сенатском проекте 1724 г. были выделены лишь три отдельные сферы – математика, физика и естественные науки, гуманитарные науки – без дальнейших уточнений¹⁵⁴.

Появление в Академии ориенталистов, таким образом, произошло скорее по воле случая, чем в результате продуманного плана. Когда чиновники петровской России занимались набором иностранных ученых для молодого учреждения, они обратили внимание на гимназического учителя из Кёнигсберга Готлиба-Зигфрида Байера¹⁵⁵. Человек большого лингвистического таланта, он самостоятельно выучил китайский и арабский в дополнение к древнегреческому и древнееврейскому, которыми овладел в университете. Чтобы привлечь прусского полиглота, Академия предложила ему на выбор три кафедры – античности, российской истории и восточных литератур. Байер выбрал последнюю и оставался в России вплоть до своей смерти в 1738 г.

Василий Бартольд предполагает, что на решение Байера, вероятно, повлияла возможность изучать цивилизации Азии в стране, ближе расположенной к этому континенту¹⁵⁶. Появившееся впоследствии сочинение ученого подтверждает эту гипотезу. Первый академик-ориенталист издал *Monumentum Sinicum* – обзор трудов европейцев о Китае, получивший неоднозначные оценки¹⁵⁷. Но наиболее значимый вклад в науку Байер внес, занявшись иностранными источниками по истории России как восточным, так и западным. Получив доступ в петровскую Кунсткамеру и к другим собраниям, он изучал документы на самых разных языках – от монгольского, китайского и даже санскрита до норвежского (но не читал русские).

Написав труд о скифах, Байер одним из первых поднял вопрос о восточных корнях России. Впоследствии многие ориенталисты шли по его стопам, постепенно усиливая то интеллектуальное течение, финальным аккордом которого два века спустя станет евразийство. Но когда академик на основании изучения скандинавских саг сделал вывод о том, что российское

¹⁴⁹ Vucinich A. Science in Russian Culture. P. 46–47.

¹⁵⁰ История Академии наук. Т. 1. С. 32–33.

¹⁵¹ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 31; Vucinich A. Science in Russian Culture. P. 78–80.

¹⁵² Franke O. Leibniz und China. P. 173–174.

¹⁵³ Герье Вл. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. С. 133.

¹⁵⁴ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 31–32.

¹⁵⁵ Babinger F. Gottlieb Siegfried Bayer 1694–1738: Ein Beitrag zur Geschichte der morgenlandischen Studien im 18. Jahrhundert Leipzig: Otto Harrasowitz, 1916; Пекарский П. История императорской Академии наук. С. 180–196; Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977, С. 52–54; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1972, С. 31–33.

¹⁵⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 32. См. также: Benes T. Comparative Linguistics as Ethnology: In Search of Indo-Germans in Central Asia, 1770– 1830 // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East 24. 2004. № 2. P. 117.

¹⁵⁷ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 32. Об общем германском восхищении Центральной Азией см.: Benes T. Comparative Linguistics as Ethnology. P. 117–129.

государство основали викинги, это вызвало ожесточенные споры¹⁵⁸. Положив начало знаменитому спору норманистов с антинорманистами, Байер был подвергнут жесткой критике своими новыми соотечественниками. В 1950 г. арабист Игнатий Крачковский опровергал «ложную норманнскую теорию», впервые сформулированную Байером. Общая оценка Крачковским научных достижений Байера была не многим более позитивной, он характеризовал его как ученого «с обширными, хотя и не всегда глубокими познаниями различных восточных языков. Немало времени он посвятил синологии, в области которой оставил много громоздких, частью переводных, частью компилятивных трудов»¹⁵⁹.

Другой ученый-ориенталист XVIII в. Георг-Якоб Кер оказался в российской науке более сложным путем¹⁶⁰. Изучив ближневосточные языки в немецком Галле, в Collegium Orientale Theologicum, где он учился вместе со знаменитым уроженцем Дамаска Саломоном Негри, Кер был приглашен на службу в российскую Коллегию Иностранных дел в 1732 г. в качестве переводчика и преподавателя языков. В 1735 г. Академия попросила его разобраться в собрании из примерно 4 тыс. «татарских» монет, хранившемся в Кунсткамере.

Петр учредил Кунсткамеру в 1714 г. в здании Людских палат около Летнего дворца в соответствии с традицией, которой следовал каждый уважающий себя германский принц той эпохи. «Типичное явление барочной культуры», Кунсткамера была эклектичным собранием видов животных в банках с формалином (с упором на уродцев), математических инструментов и дипломатических подарков¹⁶¹. Благодаря восточным ресурсам России в ней был представлен богатый набор археологических и этнографических редкостей из Сибири, Китая и других азиатских стран¹⁶². За несколько лет собрание экзотики стало слишком масштабным для Летнего дворца, и в 1718 г. на другом берегу Невы, на Васильевском острове появилось новое здание, которое с годами преобразовалось в Музей антропологии и этнографии. Петр продолжал пополнять свои разнообразные коллекции. Одним из наиболее ценных приобретений, сделанных им ближе к концу жизни, стало собрание рукописей, захваченных в результате Персидского похода 1722 г.¹⁶³ После учреждения тремя годами позднее Академии наук Кунсткамера перешла в ведение этой организации.

Что касается Кера, то в России результаты его научных достижений оценивались несколько выше, чем штудии Байера. Один биограф охарактеризовал его как «первого ориенталиста в России»¹⁶⁴. Значительную часть его обширного архива составили переводы рукописей, хранящихся в Академии, в частности персидских астрономических таблиц и важного для истории Центральной Азии труда «Родословная тюрков», созданного ханом Хивы XVIII в. Абулгази Бахадуром. Ни одна из этих работ не была опубликована при жизни Кера, однако они стали бесценным источником для ученых XIX в.

Однако ни Байер, ни Кер не оставили глубокого следа в российской ориенталистике. У Кера не было учеников, за исключением группы молодых переводчиков, которых он подгото-

¹⁵⁸ Однако они никогда не были такими ожесточенными, как споры вокруг норманнской теории.

¹⁵⁹ Крачковский И. Очерки. С. 45. Тем не менее переводы Байера оказали заметное воздействие на раннюю русскую историографию, см.: Black J. L. G.-F. Muller and the Imperial Russian Academy Kingston, ON: McGill-Queen's University Press, 1986. P. 39–40.

¹⁶⁰ Шувалов М. Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Сб. московского главного архива Министерства иностранных дел. 1893. № 5. С. 91, 110; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. С. 33–45; Данциг Б. М. Из истории изучения Ближнего Востока в России, вторая четверть XVIII в. // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. Т. 5. С. 7–11.

¹⁶¹ Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 315.

¹⁶² Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 558–561; Driessen J. Tsaar Peter en zijn Amsterdamse vrienden Utrecht/ Antwerp: Kosmos; Z & K Uitgevers, 1996. P. 55–56.

¹⁶³ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 391.

¹⁶⁴ Шувалов М. Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера. С. 91.

вил в Коллегии иностранных дел¹⁶⁵. Немцы не прикладывали значительных усилий для распространения своих трудов на их новой родине. Несмотря на свои уникальные лингвистические способности, Байер так и не снизошел до изучения русского¹⁶⁶. В его первые годы деятельности в России Академия действительно была в значительной степени заграничным учреждением. Работы академиков издавались на латыни, первые четыре президента и подавляющее большинство членов Академии были немцами. Первыми русскими академиками стали ученый Михаил Ломоносов и поэт Василий Тредиаковский, назначенные в 1745 г.¹⁶⁷

В 1747 г. императрица Елизавета подписала новый Регламент Академии наук, который не только освободил ее членов от какой бы то ни было преподавательской нагрузки, но и развернул деятельность Академии в значительной степени в практическую сторону, упразднив все гуманитарные кафедры. Несмотря на то что в университете, открытом императрицей в Москве восемь лет спустя, были созданы факультеты словесности и истории, в первые полвека истории университета там практически не преподавали азиатские языки. Ориенталистике как отдельной дисциплине пришлось ждать подходящих условий вплоть до XIX в.

За пределами Академии наук все усилия Петра Великого по созданию условий для изучения Востока давали результаты очень медленно. Экспансионистские торговые и политические планы царя в Азии требовали языковой подготовленности чиновников, и он предпринимал несколько попыток учредить школы для качественной подготовки первопроходцев. Первой из них стал указ от 18 июня 1700 г. по новой сибирской митрополии: найти «иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться», чтобы отправить их миссионерами. Советский тюрколог Андрей Кононов громко называет эту дату «днем рождения российской ориенталистики», но нет никаких свидетельств об исполнении этого указа¹⁶⁸.

Следующая попытка Петра была скорее случайной и произошла в результате морской катастрофы¹⁶⁹. Зимой 1695 г. японское торговое судно шло вдоль побережья о-ва Хонсю из Осаки в Эдо (современный Токио), когда его снесло с курса тайфуном. После полутора лет дрейфа в Тихом океане корабль выбросило на берег далеко на севере, на п-ве Камчатка. Несчастливая команда столкнулась там с новой опасностью в лице местных жителей-коряков, которые лишь незадолго до этого подчинились русскому царю. Коряки взяли японцев в плен. Одни члены команды погибли, другим удалось бежать, и к следующему году в живых остался только торговый клерк из Осаки по имени Дэмбэй.

Когда новости о несчастном, потерпевшем кораблекрушение, достигли Владимира Атласова, тот приказал привезти Дэмбэя в свой отряд, и это считается первой документированной встречей русского и японца. Поскольку Дэмбэй успел в плену выучить корякский, то они смогли побеседовать через переводчика. Атласов с большим интересом выслушал рассказы о плодородной земле, богатой серебром и золотом, которую он счел Индией. Его отчет в Сибирский приказ, отвечавший за все азиатские территории, был воспринят с интересом, и Атласову поручили доставить «индийца» в Москву. Дэмбэй прибыл туда в 1701 г., и когда более образованные чиновники правильно определили его национальность, то поспешили представить его царю.

¹⁶⁵ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 34.

¹⁶⁶ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 54.

¹⁶⁷ Первые четыре года его протоколы привязаны к григорианскому календарю, а не к юлианскому, см.: Black J. L. G.-F. Muller and the Imperial Russian Academy Kingston. P. 12.

¹⁶⁸ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. С. 25.

¹⁶⁹ Оглоблин Н. Н. Первый Японец в России, 1701–1705 гг. // Русская старина. 1891. № 72. Октябрь. С. 11–24; Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX веков. М.: Наука, 1999. С. 43–55; Lensen G. A. The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. P. 26–30.

Интерес Петра Великого к Японии проснулся несколькими годами ранее. Во время своего первого путешествия по Европе он много слышал об островном народе и видел его экзотические изделия в Нидерландах, которые в те годы пользовались монопольным правом на торговлю с сегунатом Токугавы. После недавнего завоевания Камчатки Россия привлекательно близко подошла к японскому архипелагу, и, казалось, настало время проверить на прочность голландскую торговую крепость. Однако у царя не было подданных, владевших японским языком. Появление Дэмбэя обеспечило прекрасную возможность обучить ему хотя бы нескольких человек.

Петр встретился с жертвой кораблекрушения в январе 1702 г. и немедленно составил план по привлечению к работе своего подневольного гостя. В тот же день царь издал указ о том, что Дэмбэй должен остаться в Москве и выучить русский язык. Когда Дэмбэй приобрел базовые знания в русском, то получил в распоряжение трех-четырех русских юношей, которых учил своему родному языку по щедрой ставке – пять копеек в день. Скорее всего, у японца не было особого выбора, но он все-таки добился от царя обещания со временем отпустить его на родину.

Впрочем, ученые не уверены, действительно ли он давал хоть какие-нибудь уроки. Известно, что, когда в 1710 г. Дэмбэй напомнил Петру о своей просьбе отпустить его в Осаку, император насильственно обратил его в христианство и отправил в распоряжение нового губернатора Сибири в Тобольск. 25 лет спустя императрице Анне Иоанновне выпала еще бóльшая удача – познакомиться с двумя японцами, также потерпевшими кораблекрушение на Камчатке, – Созо и Гонзо¹⁷⁰. В 1736 г., приняв крещение в православие под именами Кузьма Шульц и Демьян Поморцев, они начали преподавать японский язык в Академии наук. Но после смерти Демьяна Поморцева в 1739 г. курсы были свернуты, и вплоть до конца XIX в. японскому не обучали ни в одном образовательном учреждении столицы¹⁷¹.

Последним вкладом Петра Великого в русскую ориенталистику стала первая духовная миссия в Пекине. В XIX в. несколько выпускников этой миссии станут ведущими синологами России. Однако в первые десятилетия языковая школа миссии страдала от невнимания к ней Санкт-Петербурга. Единственными известными ее выпускниками являлись Иларион Россохин и Алексей Леонтьев, занимавшие скромную должность переводчиков при Академии наук. В своей истории Пекинской миссии Эрик Видмер предполагает, что главным достижением школы за первые сто лет существования стало ее выживание. Это был лучший результат из всех других попыток XVIII в. начать изучение азиатских языков в России¹⁷².

Петр не ощущал острой необходимости в организации обучения ближневосточным языкам, потому что у него не было недостатка в подданных, уже хорошо говоривших на них¹⁷³. Речь идет о казанских татарах, которые говорили на тюркском языке, близком к языку Османской империи, а мусульманская элита этого меньшинства зачастую получала образование на арабском. Существовали также иностранцы, предлагавшие царю свои услуги. Одними из главных зарубежных источников экспертов по Ближнему Востоку были православные народы, жившие под турецким правлением, – греки, сербы, румыны и др. Константинопольские султаны зачастую привлекали самых образованных подданных в свои органы управления. Но подняться наверх хотели многие, и не попавшие в Константинополь находили более привлекательной

¹⁷⁰ Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX веков. С. 78–82; Lensen G. A. The Russian Push toward Japan. P. 41–42; Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 26–29.

¹⁷¹ С 1753 по 1816 год в Иркутске существовала школа японского языка, но, по словам историка Бартольда, за время своей работы этой школе не удалось ни подготовить хотя бы одного компетентного специалиста по японскому языку, ни оставить след в русской ориенталистике, см.: Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 390.

¹⁷² Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 159–160.

¹⁷³ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 187; Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 29.

службу у своих единоверцев в энергичном Московском государстве. Одним из наиболее ярких представителей последней группы является молдавский князь Дмитрий Кантемир.

Сегодня в России эта фамилия чаще всего ассоциируется с сыном Дмитрия – Антиохом – важной фигурой в литературе XVIII в. Поэт, сатирик, дипломат, князь Антиох Дмитриевич Кантемир был одним из главных «светильников» постпетровского Просвещения. Однако отец Антиоха был не менее выдающейся личностью своей эпохи. Дмитрий Кантемир родился в 1673 г., что позволяет охарактеризовать его как человека периода раннего Просвещения, но еще лучше описать его как человека эпохи Возрождения. Таланты Д. Кантемира простирались от естественных наук, философии и истории до архитектуры и литературы. В Турции до сих пор высоко ценятся его музыкальные композиции¹⁷⁴.

Как сын молдавского господаря – правителя одного из двух румынских княжеств, находившихся в вассальной зависимости от султана, Дмитрий был послан в Константинополь в 1688 г. В Османской империи существовала традиция держать в столице близких родственников региональных правителей, обеспечивая тем самым лояльность последних. Это было не самое суровое наказание. Многие отпрыски провинциальной знати с радостью поддавались соблазну жизни в беззаботной роскоши в легендарном мегаполисе. Выросший в молдавском княжеском дворце Дмитрий, однако, избрал другой путь. Он посвятил время вынужденного безделья на различные тренировки мозга.

Формальное образование Дмитрий получал в Академии православного Патриархата в греческом квартале Фанар. Несмотря на тесные связи с весьма традиционалистской византийской Церковью, обучение в этой школе находилось под сильным влиянием либеральных гуманистических и неоаристотелевских течений философии. В этот же период времени Дмитрий учил турецкий, арабский языки, а также исламскую теологию у ведущих османских ученых, в частности у философа Саади Эффенди и специалиста по Корану Нефиоглу. Два десятилетия провел Кантемир на берегах Босфора в усердных занятиях. Его мировоззрение сформировалось под гармоничным влиянием трех интеллектуальных школ: Византии, итальянского Возрождения и ислама.

Примерно век спустя правитель другой восточной династии, находившейся в периоде расцвета, китайский император Цяньлун мечтал о том, чтобы стать «Полуденным солнцем». Комментарий к этому пожеланию уточнял: «Когда солнце стоит в полудне, оно начинает закат; когда Луна полна, она начинает убывать. Полнота и пустота неба и земли прибывают и убывают с течением времени. Что еще более справедливо для людей»¹⁷⁵. Те же самые слова можно было сказать и об османских султанах на рубеже XVII–XVIII вв. Вытянувшись огромным полумесяцем от центральной Европы через Ближний Восток в Северную Африку, их империя были одним из самых великолепных государств своего времени. Столица Константинополь была процветающим городом, оказавшимся центром интеллектуального и культурного возрождения, получившего название «эпоха тюльпанов». Однако несмотря на все внешнее великолепие, династия Османов уже вступила в период упадка. Несколько поколений неэффективного управления и растущих масштабов коррупции подрывали политический авторитет правящего дома. В то же время несколько военных кампаний, проведенных янычарами в Центральной Европе, закончились в 1683 г. катастрофой у стен Вены; подписанный спустя 16 лет Карловицкий мир стал сигналом об окончании периода, когда турецкая армия представляла угрозу христианскому миру.

¹⁷⁴ Среди исследований его музыкальных достижений выделим: Popescu-Județ E. Prince Dimitrie Cantemir: Theorist and Composer of Turkish Music. Istanbul: Pan Yaıncılık, 1999. Недавно вышедший компакт-диск представляет как его сочинения, так и несколько современных турецких произведений, написанных в его честь. Cantemir: Music in Istanbul and Ottoman Europe around 1700, with Linda Burman-Hall, Ihsan Ozgen, and Lux Musica Golden Horn Records CD GHP-0192.

¹⁷⁵ Spence J. D. The Search for Modern China. New York: W. W. Norton, 1999. P. 101.

Относительно привилегированное положение Дмитрия Кантемира предоставило ему исключительную возможность наблюдать вблизи начало заката Османской империи. Эрудиция сделала его желанным гостем в домах константинопольских знаменитостей, он был хорошо знаком с европейскими дипломатами, в частности с русским графом Петром Толстым. Кантемир также много времени провел на полях сражений, например, он непосредственно наблюдал за поражением турецкой армии при Зенте в 1697 г. Военное прошлое, возможно, стало одним из оснований для его назначения в 1710 г., накануне войны с Россией, молдавским господарем.

Боевые действия формально начала Турция, но Россия быстро перешла в наступление. Надеясь на поддержку и симпатии двух православных господарей, Петр Великий направил свои силы на юг, вторгшись в румынские княжества. Второй господарь выжидал, а Кантемир сразу сделал свою ставку на русского царя. В апреле 1711 г. он подписал договор, предполагавший военную поддержку и верность Романовым в обмен на возможность получить убежище в случае неудачного исхода войны. Так и произошло. Несмотря на все заверения молдаван, лишь 5 тыс. соотечественников Кантемира присоединились к 38-тысячной русской армии. Столкнувшись три месяца спустя со значительно превосходящими турецкими силами на берегу реки Прут, Петр потерпел поражение и был вынужден подписать мирный договор¹⁷⁶.

Царь сдержал обещание, данное Кантемиру. Несмотря на настойчивые требования Османов вернуть беглого господаря, он позволил ему присоединиться к отступающим войскам и отправиться в комфортное изгнание в Россию. Как и в Константинополе, значительную часть своей энергии Кантемир направил на образование, в том числе он уделял внимание и своему отечеству. Берлинская Академия наук, членом которой он был избран в 1714 г., попросила его создать описание Молдавии, и он начал «Хронику романо-влахов-молдаван»¹⁷⁷. В этих трудах содержалось ясное политическое послание, подчеркивающее связь его народа с римской цивилизацией. В другом трактате – «Исследование природы монархий» он призывал Петра Великого продолжать борьбу с Турцией, чтобы занять достойное место всемогущего правителя, объединившего Запад и Восток¹⁷⁸.

В 1720 г. Кантемир завершил труд «Книга Систима, или О состоянии мухаммеданской религии», начатый, вероятно, по заказу царя и опубликованный на русском языке два года спустя. В этом труде он повторяет многие традиционные христианские аргументы против ислама: Мухаммед был лжепророком, Коран полон лжи, а религия, зверская и фанатичная, «проповедует убивать иноверцев»¹⁷⁹. Но автор «Систимы» не копирует рабски положения средневековых церковных полемических трактатов, направленных против неверных. Он представлял исламские тексты без значительных искажений и напоминал своему читателю, что «восточные народы ничем не ниже западных»¹⁸⁰. Относительно объективная позиция Кантемира вызвала гнев Священного синода – нового, учрежденного Петром органа управления Русской православной церковью. Под предлогом обвинения в неправильном цитировании Кантемиром источников, Синод отказался печатать книгу. Только после прямого вмешательства императора Синод отступил, и увесистый том вышел из печати¹⁸¹.

¹⁷⁶ Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 47–48.

¹⁷⁷ Bahner W. Ein bedeutender Gelehrter an der Schwelle zur Frühaufklärung: Dimitrie Cantemir 1673–1723, *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR*. 13. 1973. P. 7–9; Panaitescu P. Le prince Demetre Cantemir et le mouvement intellectuel russe sous Pierre le Grand, *Revue des études slaves* 6, nos. 3–4. 1926. P. 253–256.

¹⁷⁸ Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир: Мыслитель и государственный деятель. Кишинев: Хартия Молдовеняскэ, 1973. С. 36.

¹⁷⁹ Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 27; Popescu-Județ E. Prince Dimitrie Cantemir. P. 35–36; Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир. С. 108.

¹⁸⁰ Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир. С. 94; Birsan C. Dimitrie Cantemir and the Islamic World / trans. S. Tinney. Istanbul: Isis Press, 2004. P. 40–43.

¹⁸¹ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 567–570; Panaitescu P. Le prince Demetre Cantemir et le mouvement intellectuel russe sous Pierre le Grand. P. 252. Советский ученый предполагает, что Синод увидел в

Самым значительным трудом Кантемира является «История возвышения и упадка Османской империи», законченная им в 1716 г.¹⁸² Ее латинский оригинал так и остался неопубликованным, но в 1734 г. сын Кантемира Антиох во время службы послом императрицы Анны Иоанновны в Лондоне, преисполненный чувством семейного долга, устроил публикацию английского перевода. Вскоре за ним последовали французское и германское издания. Энциклопедический по масштабу, с обширными биографическими, географическими, религиозными и этнографическими справками труд содержит всю хронику Османской династии от истоков в XIV в. и до 1700-х гг. Первый том, завершающийся событиями 1696 г., в основном базировался на исследовании друга автора Саади Эфенди. Более детальная вторая часть «Существование во времена жизни Автора» дает нам описание очевидца 15 лет, проведенных в Османской империи, вплоть до бегства в 1711 г.

Труды по истории Османской империи существовали в Европе и раньше начиная с труда эксцентричного француза-арабиста Гильома Постеля «De la république des Turcs» («О республике турок»), вышедшего в 1559 г. На общем фоне труд Кантемира выделяется масштабным и беспристрастным использованием турецких хроник, вплоть до того, что он повторяет их интерпретации столкновений с христианскими державами. Он объективно представил события захвата столицы Византии султаном Мехмедом II и подчеркивал многие культурные достижения османов. Примечательно, что «История» была даже привязана к мусульманскому календарю, отсчитывая годы от хиджры – бегства Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г., а не от рождения Христа.

Основной посыл Кантемира был слегка нравоучительным: великие державы, подобно живым существам, рождаются, наслаждаются силой молодости, цивилизованной зрелостью и в конце концов умирают. Подобный органический взгляд на историю был впоследствии принят Монтестье и Гиббоном в их описаниях Римской империи. Конечно, в отличие от Рима, Османская империя в XVIII в. была еще жива. Однако, как подчеркивал князь, ее время истекло, она начала впадать в старческий маразм, ее конец был неизбежен.

Книга Кантемира об Османской империи служила справочником по Османской империи для европейских ученых, пока 100 лет спустя ее не заменил масштабный 10-томный труд австрийского ориенталиста барона Йозефа фон Хаммер-Пургштала *Geschichte des osmanischen Reiches* («История Османской империи»). Барон язвительно характеризует труд Кантемира, который «до сих пор пользуется какой-то неоправданной славой», осуждая его за игнорирование многих важных турецких источников и ложные этимологии¹⁸³. Однако кантемировская «История» (справедливо или нет), но заслужила похвалу британского ученого сэра Уильяма Джонса. Эдвард Гиббон и Вольтер ссылались на нее в своих трудах, а Байрон дважды упоминает князя в поэме «Дон Жуан»¹⁸⁴. Однако влияние этой работы на Россию оказалось практически незаметным, поскольку в России она не публиковалась.

Петр Великий ценил интеллектуальные способности своего молдавского гостя. Когда он задумал учреждение Академии наук, то всерьез рассматривал назначение князя ее первым президентом¹⁸⁵. Кантемир находил время и для не столь ученых занятий. Полученное от Петра

критике Кантемира ислама эзопову атаку на христианство, см.: Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир. С. 100–103.

¹⁸² Demetrius C. *The History of the Growth and Decay of the Othman Empire* / trans. N. Tindal, 2 vols. London: A. Millar, 1756.

¹⁸³ Hammer J. von. *Sur l'histoire du prince Cantemir* // *Journal asiatique*. 1824. № 4. P. 23–45. Роберт Ирвин замечает, что в данном случае критику стоило бы помалкивать, потому как книга Хаммера есть не что иное, как некритическая компиляция турецких и греческих источников, собранных и расставленных в примерно хронологическом порядке, см.: Irwin R. *For Lust of Knowing*. P. 151.

¹⁸⁴ Dimitrie Cantemir: *Historian of South East European and Oriental Civilizations* / A. Duțu, P. Cernovodeanu, eds. Bucharest: Association international d'études du Sud-Est européen, 1973. P. 319–329; Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, vol. 8. London: Folio Society, 1990, 85n; Voltaire. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*, vol. 1. Paris: Editions Garnier Frères, 1963, 805; Lord Byron G. G. *Don Juan*. Boston: Houghton Mifflin, 1958. P. 194, 206.

¹⁸⁵ Одна немецкая энциклопедия даже ошибочно указала, что Кантемир занял этот пост, см.: Радовский М. И. Антиох

имение и назначенная им же щедрая пенсия позволяли Дмитрию и в изгнании вести жизнь настоящего вельможи. Поскольку его титул был подтвержден новым сюзереном, Кантемира легко приняли в высших кругах российского общества. В 1719 г., спустя пять лет после смерти первой жены, он повел под венец 18-летнюю дочь фельдмаршала князя Ивана Трубецкого Анастасию, причем царь был шафером на этой свадьбе. Анастасия принадлежала к одному из самых знатных родов и считалась «первой красавицей эпохи»¹⁸⁶.

Кантемир был вовлечен во внутренние государственные дела России, будучи назначенным в Сенат в 1718 г. Петр рассчитывал прежде всего на его осведомленность о ближневосточных делах. В 1722 г. император начал военную кампанию на Кавказе против Персии, и князь присоединился к армии в качестве ведущего советника. В ходе боевых действий его обязанности включали печать прокламаций к местному населению на персидском и турецком языках с помощью первого русского печатного прессы с арабским шрифтом¹⁸⁷. К сожалению, у него развился диабет, суровые походные условия оказались слишком тяжелы для князя, и он скончался через год в своем имении.

Подобно многим более поздним ключевым фигурам российской ориенталистики, Дмитрий Кантемир занимал промежуточное положение между Востоком и Западом. Автор его портрета, находящегося в музее Руана, хорошо ухватил эту двойственность. На ошибочно названном «Господарь Валахии» портрете изображен стройный молодой человек с тонкими, почти женскими чертами лица, в европейском вышитом шелковом кафтане, с льняным платком вокруг шеи и в великолепном парике в стиле Людовика XIV, увенчанном бело-голубым тюрбаном *à la turque*¹⁸⁸. Даже став законным подданным христианского царя, Кантемир не стремился скрывать свои связи с Востоком. Германский путешественник упоминает один из роскошных маскарадов Петра Великого, где князь появился на празднике в оттоманском наряде, в костюме визиря, в окружении прислуги в турецком платье, с перевязью и исламским полумесяцем¹⁸⁹. Фамилия «Кантемир» происходит, по всей видимости, от сочетания слов «Хан» и «Тимур» (Тамерлан), поэтому Кантемир гордился, пусть и ложными, татарскими аристократическими корнями, подобно многим представителями русских аристократических фамилий¹⁹⁰.

Русские обладали знаниями об Азии еще до Петровской эпохи. В силу географического положения страны они задолго до Петра установили прямые контакты с Востоком. Петр же бросил в почву семена ориенталистики, многие из которых не дали всходов, и разработки собственной научной традиции пришлось ждать вплоть до XIX в. Тем не менее Бартольд верно указывает, что, «несмотря на давнишние сношения между Россией и Востоком, русское востоковедение ведет свое начало от Петра Великого и является такой же “западной” наукой, как и другие отрасли научного познания»¹⁹¹.

Прометеевские западнические реформы Петра обычно представляются в литературе как исключительно утилитарные. Историки востоковедения в России чаще всего оценивают

Кантемир и Петербургская Академия наук. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 7; История Академии наук СССР. Т. 1. С. 36.

¹⁸⁶ The Life of Prince Cantemir // Cantemir, History of the Othman Empire, vol. 2. P. 458.

¹⁸⁷ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. С. 30.

¹⁸⁸ Фомин С. В. Кантемир в изобразительных материалах. Кишинев: Штиница, 1988. С. 8–9, 75.

¹⁸⁹ Popescu-Județ E. Prince Dimitrie Cantemir. P. 33.

¹⁹⁰ На самом деле эту фамилию взял себе отец Дмитрия, происходивший из скромной молдавской семьи, см.: Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир. С. 20; Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. С. 3. За примечательным исключением в лице Вольтера первые биографы были склонны верить в выдуманную генеалогию, см., например: Белинский В. Г. Кантемир // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 734; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. С. 28. О скептицизме философа см.: Voltaire. Histoire de Charles XII, The Complete Works of Voltaire, vol. 4. Oxford: Voltaire Foundation, 1996. P. 404.

¹⁹¹ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 537.

его инициативы в этой сфере как мотивированные политическими и торговыми соображениями¹⁹². В этом, безусловно, есть доля истины, но подобные оценки не дают полной картины. Юрий Слёзкин заметил, что жители Московского государства XVII в. не проявляли большого любопытства в отношении внешнего мира. Под влиянием европейского Просвещения Петр и его преемники стали считать любопытство добродетелью¹⁹³. Петровская коллекция азиатских монет и его приказ о захвате персидских рукописей мотивировались не только «государственными соображениями»¹⁹⁴. Как и на Западе, русское востоковедение развивалось на основе совершенно непрактичной жажды чистого познания. И это было не менее важным наследием петровской зари.

¹⁹² Азиатский музей. Ленинградское отд-е Ин-та востоковедения АН СССР / А. П. Базиянц и др. М.: Наука, 1972. С. 7; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. С. 27; Гальперин А. Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в. – середине XIX в. // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 11.

¹⁹³ Slezkine Y. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity, Representations 47. 1994. P. 170–171. По мнению Линдси Хьюз, общепринятое мнение о сугубо утилитарном подходе Петра к наукам и образованию справедливо критикуется, см.: Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 308.

¹⁹⁴ Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 29–30.

Глава 3

Китайщина Екатерины

*Лежала я вечер в беседке ханской,
В середине басурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз иман народ влечет...
О Божьи чудеса! Из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?
А мне мешает спать среди Бахчисарая
Табашный дым и крик... но, впрочем, место рая.*

Екатерина Великая

Мало кто из монархов отметил 25-летие своего правления более экстравагантно, чем императрица Екатерина II. В 1787 г., в годовщину своего восшествия на престол, родившаяся в Германии правительница пригласила избранных дипломатов и придворных в семимесячное путешествие, чтобы все посмотрели на ее новое приобретение – Крымский полуостров. Организованное бывшим любовником, а ныне вице-королем Юга России князем Потемкиным турне обошлось примерно в четверть годового дохода императорской казны и окончательно утвердило среди европейских современников репутацию Екатерины как одного из богатейших и самых могущественных монархов мира¹⁹⁵.

Поездка по маршруту в 3 тыс. км началась вскоре после новогодних праздников. Утром 7 января караван из 14 позолоченных карет на полозьях в сопровождении 184 груженных и 40 запасных саней выехал из дворца в Царском Селе. Среди самых важных гостей царицы и ее очередного фаворита графа Александра Дмитриева-Мамонова были французский, британский и австрийский послы. В течение трех недель роскошный кортеж преодолевал заснеженную центральную Россию, затем въехал на Украину и добрался до Киева 29 января. Здесь группа задержалась на три месяца в ожидании наступления весны, чтобы продолжить путь уже по Днепру.

Несмотря на то что до границ бывшего ханства оставалось еще около 500 км, близость Востока уже чувствовалась. Французского дипломата графа Луи-Филиппа де Сегюра поразили восточные делегации, прибывшие выказать свое почтение *impératrice conquérante*¹⁹⁶, от донских казаков, «богато одетых à l'asiatique», татаров, грузин и киргизов, до «диких калмыков, которые подлинно напоминали гуннов»¹⁹⁷. Он описал также встречу с князем Потемкиным, присоединившимся к общему веселью подобно «визирю в Константинополе, Багдаде или Каире»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Наиболее подробное исследование см.: Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. № 7. С. 5–23; № 8. С. 242–264; № 9. С. 444–509. Основные первоисточники: Ségur, Louis-Philippe, comte de. Memoirs and Recollections. Vol. 3. London: Henry Colburn, 1827. P. 1–190; Ligne. Charles-Joseph prince de. Lettres à Marquise de Coigny. Paris: Librairie ancienne. Honoré Champion, 1914; Catherine II. Письма императрицы Екатерины II к Гримму. 1774–1796 // Сборник императорского русского исторического общества. 1878. Т. 23. С. 392–412. См. также: Montefiore S. S. Prince of Princes: The Life of Potemkin. London: Weidenfield & Nicolson, 2000. P. 351–379. Более общую информацию о поездках Екатерины Второй по стране см.: Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России. М.: Московский гуманитарный ин-т, 2005.

¹⁹⁶ Императрице-победительнице (фр.). – Примеч. пер.

¹⁹⁷ Ségur, Louis-Philippe, comte de. Memoirs and Recollections. Vol. 3. P. 45.

¹⁹⁸ Ibid. P. 62.

22 апреля Днепр достаточно освободился ото льда, чтобы августейшее собрание погрузилось на суда и отправилось далее на юг. Караван, не менее пышный, чем зимний, и состоявший из семи золотых и алых галер, обслуживаемый командой из 3 тыс. гребцов, воинов и слуг, величественно направлялся к днепровским порогам, далее двигаться по реке было невозможно. Здесь к императрице присоединился австрийский император Иосиф II, путешествовавший под именем «граф Фалькенштейн».

Пока императорская процессия катилась через кажущиеся бесконечными степи, граф де Сегюр бестактно ворчал про «l'ennui des déserts»¹⁹⁹,²⁰⁰. Но Потемкин предусмотрительно приготовил несколько развлечений, и уже вскоре после выезда из Херсона группу окружили тысячи донских казаков, появившихся буквально из ниоткуда. Вместе с калмыками, «похожими на китайцев», они устроили шуточную битву на потеху гостей Екатерины. К составившим императорскую гвардию казакам затем присоединились 1200 всадников из числа крымских татар и в качестве знака почтения Геродоту – полк «амазонок» (в реальности жен греческих поселенцев), которые были одеты в малиновые рубашки, неоклассические нагрудники, зеленые туники и украшены белыми страусиными перьями. Это было не просто живописное театральное представление с участием экзотических боевых отрядов. Окружив своих гостей охраной из представителей тех народов, которые в прошлом веками угрожали южным границам Московии, русская императрица недвусмысленно давала понять, какой властью над азиатскими подданными она обладает²⁰¹.

Потемкинская постановка успешно подчеркивала ориенталистский дух новых завоеваний Екатерины. Французский посол вспоминает свою беседу с австрийским императором накануне въезда на территорию Крыма. Теплым вечером они отправились на небольшую прогулку из лагеря, стоявшего у северной оконечности Перекопа – узкого перешейка, соединяющего полуостров с материком. Где-то вдалеке прошли верблюды. Иосиф задумчиво произнес: «Какое удивительное путешествие, кто в каком-нибудь сне мог представить, чтобы я вместе с Екатериной Второй, французским и английским послами бродил по татарской пустыне! Это совершенно новая страница в истории». На это Сегюр ответил: «Мне кажется, это скорее страница из сказок “Тысячи и одной ночи”». Азиатская экзотика напомнила о себе вскоре еще раз, когда путь прогуливающейся пары пересекла группа кочевников-калмыков, перевозящих огромную палатку на колесах²⁰².

Завершением путешествия Екатерины стал праздник в честь 25-летия ее восшествия на престол в Москве, кульминацией которого стало пребывание в Бахчисарае в конце мая. Бахчисарай, в переводе с персидского «Дворец садов», некогда был столицей Крымского ханства, последнего политического наследника Золотой Орды. Еще в XVII в. крымские татары совершали разорительные набеги, продвигаясь далеко в глубь русских земель. Будучи вассалами Османской империи, они представляли угрозу богатым сельскохозяйственным угодьям вдоль южной границы, пока Екатерине не удалось в 1783 г. присоединить полуостров²⁰³. И буквально

¹⁹⁹ Скучная пустыня (фр.). – *Примеч. пер.*

²⁰⁰ Troyat H. Catherine la Grande. Paris: Flammarion, 1977. P. 392.

²⁰¹ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 129; Troyat H. Catherine la Grande. В какой-то момент де Линь в шутку сказал де Сегюру: «А что если этим двенадцати сотням татар, окружающим нас, придет в голову отвезти нас в какую-нибудь крохотную близлежащую гавань, погрузить на борт августейшую Екатерину вместе с могущественным императором Священной Римской империи Иосифом II и затем отправить их в Константинополь на потеху Его Высочества Абдул-Гамета, суверенного правителя правоверных?», см.: Ségur, Louis-Philippe, comte de. *Memoirs and Recollections*. Vol. 3. P. 139–140.

²⁰² Ségur, Louis-Philippe, comte de. *Memoirs and Recollections*. Vol. 3. P. 130–131.

²⁰³ Исследование продвижения России XVIII в. на юг вплоть до Черного моря, включая присоединение Крыма, с точки зрения царского дипломата см.: Nolde B. *La formation de l'Empire russe*, vol. 2. Paris: Institut d'études slaves, 1953. P. 5–195. Более недавняя работа, базирующаяся также и на турецких источниках: Fisher A. W. *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

за четыре года князь Потемкин превратил бывшую вражескую территорию в мирный край виноградников, фруктовых садов, живописных гор и причудливых городов и деревень, турецкие постройки которых заботливо сохранялись²⁰⁴.

Стихотворение Екатерины «Лежала я ввечор в беседке ханской...», посвященный вице-королю, был сочинен в бывшей резиденции правителя из династии Гиреев²⁰⁵. Ориенталистский пастиш, сочетавший в себе мавританские, персидские, арабские, китайские и турецкие мотивы со случайными готическими вкраплениями, принимал императрицу и ее гостей. Многим этот дворец с мраморными фонтанами, воздушными галереями и уютными внутренними дворишками напоминал чертоги из восточных сказок. Наряду с поэтическими образами табачного дыма в раю, Екатерина в письме невестке описывала Бахчисарай как «китайскую деревню»²⁰⁶. Граф де Сегюр, поселившийся в гареме, предавался более изысканным фантазиям: «Мы могли вообразить себя воистину посреди турецкого или персидского города. Помню, как лежал на софе, утомленный крайней жарой, наслаждался журчанием воды, свежестью тени и благоуханием цветов, в общем предавался восточной роскоши и наслаждался бездельем, как настоящий паша»²⁰⁷.

Российский ученый Андрей Зорин утверждает, что Крым обладал «гигантским символическим капиталом» для нового правителя²⁰⁸. Здесь находился Херсонес, где согласно «Повести временных лет» князь Владимир был крещен в христианскую веру в 988 г. Как можно понять из стихотворения Екатерины, причастность к зарождению Русской Церкви и роскошные фруктовые сады создавали ощущение рая²⁰⁹.

Полуостров сохранил много связей с античной Грецией, которая длительное время имела колонии на крымском побережье. В последние десятилетия XVIII в. русская культура совершила грекофильский поворот²¹⁰. Екатерина мечтала о реализации «греческого проекта» по восстановлению Византии, хотя бы в эпоху правления младшего внука, которого она оптимистично назвала Константином. Подданные также подчеркивали эллинистическое прошлое полуострова, вернув ему греческое имя «Таврида» и назвав заложенный неподалеку порт на Черном море Одесса в честь гомеровского героя²¹¹. Когда гости Екатерины описывали свое путешествие в Тавриду через Украину, они упоминали не Днепр, а Борисфен, как называли эту реку античные авторы²¹². А когда процессия входила в Херсон, ее встречала триумфальная арка, украшенная девизом «Дорога в Византию»²¹³.

Однако несмотря на все ассоциации с Древней Грецией, а отчасти и благодаря им в эпоху Екатерины Крым чаще всего упоминался как территория Востока и в России, и за ее грани-

²⁰⁴ Потемкин игнорировал эллинистическое прошлое Крыма до такой степени, что даже использовал камни развалин греческих зданий при строительстве укреплений, см.: Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. 2001. № 60. P. 11.

²⁰⁵ Екатерина и сама признавала, что не является великим поэтом, поэтому, вероятно, ее стихи существенно облагорожены ее секретарем Александром Храповицким, см.: Smith D. *Love and Conquest: Personal Correspondence of Catherine the Great and Prince Grigory Potemkin*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004. P. 179.

²⁰⁶ Цит. по: Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым. С. 490.

²⁰⁷ Ségur, Louis-Philippe, comte de. *Memoirs and Recollections*. Vol. 2. P. 142, 144–145.

²⁰⁸ Зорин А. *Кормя двуглавого орла*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100.

²⁰⁹ Schönle A. *Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea*. P. 2; Зорин А. *Кормя двуглавого орла*. С. 114–116.

²¹⁰ Об эллинизме в русской литературе см.: Segel H. B. *Classicism and Classical Antiquity in Eighteenth- and Early-Nineteenth-Century Russian Literature // The Eighteenth Century in Russia / J. G. Garrard, ed. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 48–71.*

²¹¹ Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 138; Dickinson S. *Russia's First 'Orient': Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika 3, no. 1 Winter 2002. P. 12.*

²¹² Ligne Charles-Joseph, prince de. *Mémoires du prince de Ligne*. Brussels: Emile Flatau, 1860. P. 98; Ligne. *Lettres*. P. 21; Ségur, Louis-Philippe, comte de. *Memoirs and Recollections*. Vol. 3. P. 2.

²¹³ Madariaga I. de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven, CT: Yale University Press, 1981. P. 394.

цами²¹⁴. Географы относили его к Европе, но скифское и татарское наследие, а также несколько веков культурного влияния османов способствовали тому, что полуостров можно было считать скорее Востоком, чем Западом. И императрица, и ее спутники использовали почти исключительно азиатские тропы в своих письмах и воспоминаниях об этом путешествии²¹⁵. В начале XIX в. Пушкин и его современник поляк Адам Мицкевич схожим образом воспевали ориенталистскую природу бывшего ханства. Военное поражение середины 1850-х гг. безусловно придало Крыму новые коннотации, закрепившиеся в сознании следующих поколений жителей России.

Самое поразительное, что Екатерина Великая воспринимала крымский Восток как нечто развлекательное²¹⁶. Подобно «Турецкому маршу» Моцарта, фарфоровым фигуркам китайских мудрецов из Майсена, Бахчисарай воспринимался императрицей и ее спутниками как царство сказок, снов, мечтаний – «un tableau magique»²¹⁷, по словам Сегюра²¹⁸. Когда в своем стихотворении, обращенном к Потемкину, Екатерина упоминает «орды и ханов» далекого прошлого, эта аллюзия лишь усиливает контраст с живописным ландшафтом настоящего, совершенно безвредными мечетями и имамами. Именно с ощущением фантастического любопытства Россия в целом изучала Восток на протяжении века своей ускоренной вестернизации.

Екатерина вполне могла воображать себе путешествие из столицы на Неве в Крым как путешествие из Европы в Азию. Подобно всем Романовым XVIII в. начиная с Петра Великого, у нее не было никаких сомнений в континентальной идентичности своей империи. В первой главе «Наказа», документа, изданного в 1767 г. как основа для нового свода юридических документов, Екатерина уверенно заявляет, что «Россия есть Европейская держава»²¹⁹. Гости с Запада, однако, далеко не всегда были уверены в этом. Пересекая границу между Пруссией и Польшей на пути в Россию, граф де Сегюр почувствовал, что он «оказался совершенно за пределами Европы». И даже Санкт-Петербург, несмотря на его западную архитектуру, показался ему квазивосточным. По словам французского графа, город «объединяет... азиатские манеры с европейскими»²²⁰.

Однако уже во времена Екатерины европейские картографы стали рисовать границу Азии значительно точнее. Как отметил Ларри Вольфф, географы эпохи Просвещения обладали более научным и последовательным подходом в обозначении границ на глобусе, чем их предшественники. Границы континентов служат тому хорошим примером. Так, со времен Античности Азия начиналась от берегов Дона или Волги, а иногда еще западнее. Проведя границу по Уральским горам, Василий Татищев, один из самых образованных чиновников Петровской эпохи, окончательно решил этот вопрос, по крайней мере для неподвижных географов²²¹.

²¹⁴ Очевидно, в 1783 г. новый союзник Екатерины император Иосиф II заказал Кристофу-Вилибальду Глюку оперу «Ифигения в Тавриде». Она была поставлена в Вене в честь присоединения Крыма, см.: Зорин А. Корня двуглавого орла. С. 112.

²¹⁵ Dickinson S. Russia's First 'Orient'. P. 9–10.

²¹⁶ В немного ином контексте Марк Раефф нашел в масштабных проектах Потемкина в рамках его «вице-королевства» «неоспоримые элементы “игры” в хэйзинговском смысле, разумеется», см.: Raeff M. In the Imperial Manner // Catherine the Great: A Profile. New York: Hill and Wang, 1972. P. 228. Лейденский историк утверждал, что европейская культура XVIII в. видела в Востоке источник аристократического приятного времяпрепровождения, когда говорили о стиле рококо: «наивный экзотизм, заигрывающий с эротическими или сентиментальными образами турок, китайцев и индийцев». Huizinga J. Homo Ludens: Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur. Groningen, the Netherlands: H. D. Tjeenk Willink, 1974. P. 182.

²¹⁷ Волшебная картина (фр.). – Примеч. пер.

²¹⁸ Цит. по: Wolff L. Inventing Eastern Europe. P. 127.

²¹⁹ Цит. по: Documents of Catherine the Great: The Correspondence with Voltaire and the Instruction of 1767 / W. F. Reddaway, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1931. P. 216.

²²⁰ Ségur, Louis-Philippe, comte de. Memoirs and Recollections. Vol. 2. P. 122, 182.

²²¹ Татищев В. Н. Введение к историческому и географическому описанию великороссийской империи // Избранные труды по географии России / под ред. А. И. Андреева. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1950. С. 156; Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. P. 2–7; Wolff L. Inventing Eastern Europe. P. 149–154.

Другие границы Азии, в основном проходящие по воде, не вызывали много споров. А вот вопрос, что включать в понятие «Восток», оставался до конца не разъясненным. Большинство русских наверняка согласились бы с определением Антуана Галлана в его предисловии к собранию ближневосточных легенд «Сказки Тысячи и одной ночи», изданному в XVIII в.: «Под понятием “восток” я понимаю не только арабов и персов, но также турок и татар и почти все азиатские народы, вплоть до Китая – мусульман, язычников и идолопоклонников [т. е. буддистов]»²²². Но даже русским было не вполне ясно, где проводить границу между Востоком и Западом внутри своего государства, как показывают крымские фантазии Екатерины. Если Сибирь была, очевидно, и азиатской, и восточной территорией, то мусульманские, языческие и буддистские народы жили и к западу от Уральских гор.

Несмотря на все тексты Байера, Кера, Кантемира и многих других, Россия эпохи Петра и его наследников не разделяла восторгов большинства жителей Европы XVIII в. в отношении Востока. Ситуация начала меняться после захвата трона Екатериной Второй в результате дворцового переворота в 1762 г. За время ее 34-летнего правления Азия, особенно Китай, вошли в моду среди российской элиты обеих столиц. Немногочисленные, разрозненные аристократы, охваченные просветительской страстью к восточным вещам, черпали свое вдохновение на Западе. Тем не менее именно в екатерининскую эпоху мы видим начало более осмысленного понимания термина «Восток». Парадоксальным образом именно в тот момент, когда Россия прочнее всего ассоциировала себя с Западом, она с наименьшим подозрением смотрела на Восток.

Растущий интерес к Востоку во второй половине века направлялся рукой энергичной правительницы, активно вовлеченной в интеллектуальную и культурную жизнь своей империи. Историк XIX в. Василий Ключевский писал: «Только ей [Екатерине Второй] удалось на минуту сблизить власть и мысль. После, как и прежде, эта встреча не удавалась или встречавшиеся не узнали друг друга»²²³. Как указывает Исабель де Мадариага, придворноцентричная природа русской культуры в эпоху и Елизаветы, и Екатерины Второй значительно усиливала влияние императриц²²⁴.

Родившаяся в скромном германском княжестве в 1729 г., Екатерина, урожденная София Ангальт-Цербстская, была женщиной исключительного интеллекта, энергии и амбиций. Привезенная в 14 лет в Петербург, чтобы выйти замуж за внука и наследника Елизаветы Петра, она сочла эту партию для себя неудовлетворительной. Как она вспоминала позднее, «восемнадцать лет скуки и одиночества [с момента приезда в Россию до восшествия на престол в 1762 г.] заставили прочитать много книг»²²⁵. Она освоила как античных авторов – Плутарха, Тацита, так и многих ведущих литераторов эпохи Просвещения: от Вольтера, Пьера Бейля и Монтескье до д'Аламбера и Дидро²²⁶. В результате к моменту вступления на трон она была одним из самых начитанных монархов Европы, свободно ориентировалась в современных интеллектуальных течениях.

Роман Екатерины с книгами не закончился с приходом к власти, но только теперь она стала еще и плодотворным автором. Ее «писательская мания» самоучки касалась самых разных сфер – от законотворчества и истории до прозы, драматургии и даже оперных либретто. Наследие императрицы составляет не менее 11 опубликованных томов, не говоря о разнообразных сборниках ее обширной переписки²²⁷. Обвиняя Екатерину в поощрении крепостничества, а

²²² Цит. по: Martino P. L'Orient dans la littérature française au XVIIe et au XVIIIe siècle. Paris: Hachette, 1906. P. 22.

²²³ Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Соч.: в 9 т. Т. 9: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 414.

²²⁴ Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 327, 532.

²²⁵ Цит. по: Documents of Catherine the Great / W. F. Reddaway, ed. P. xxvi.

²²⁶ Catherine II. The Memoirs of Catherine the Great / trans. Mark Cruse and Hilde Hoogenboom. New York: Modern Library, 2005, passim.

²²⁷ Сочинения императрицы Екатерины II: в 11 т. / под ред. А. Н. Пыпина. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901–1907.

также в пресловутой склонности к гвардейским офицерам, ее часто пренебрежительно характеризуют как поверхностного мыслителя²²⁸. Но когда французский историк Альбер Сорель язвительно писал: «Идеи века пролетели над ней подобно солнечному лучу по поверхности пруда, не согрев глубинных вод»²²⁹, он излишне суров. Несмотря на то что Екатерина не брезговала манипулировать истиной ради реализации своих личных интересов и интересов империи, ее тексты демонстрируют понимание и глубокую увлеченность идеологией европейского Просвещения. Это справедливо в первую очередь в отношении ее пристрастия к «китайщине», как впоследствии стали называть страстное увлечение Восточной Азией представителей культуры XVIII в.

Вне всякого сомнения, главным ответственным за формирование взглядов екатерининского Петербурга в отношении Востока был французский философ Вольтер²³⁰. В 1762 г. жившему в изгнании, в швейцарской деревне Ферней, Вольтеру было уже почти 70 лет, он был хорошо известен российскому читателю. Его тексты переводили ведущие литераторы начиная с князя Антиоха Кантемира в 1730-х гг., а многие поглощали его труды в оригинале²³¹. Венецианский авантюрист Джакомо Казанова, яркие события жизни которого включали и путешествие в Россию в 1765 г., писал: «В те дни образованные русские и чиновники знали, читали и уважали только Фернейского философа, и когда они прочитали все, что опубликовал Вольтер, то сочли себя более образованными, чем их апостол»²³².

Наиболее влиятельными почитателем Вольтера была сама императрица. В годы печальной праздности, когда наследник пренебрегал обществом жены, Екатерина внимательно познакомилась с произведениями француза, и после устранения злополучного супруга она немедленно вступила в длительную переписку со знаменитым изгнанником²³³. Эпистолярная дружба приносила ощутимые выгоды обеим сторонам. Несмотря на жестокую критику Бурбонов, буржуазный философ дорожил обществом монархов, и после ссоры с прусским королем Фридрихом Великим был не против найти нового августейшего покровителя. А Екатерина тем самым получила энергичного пропагандиста, помогавшего ей укрепить свою репутацию в Европе как образца просвещенного деспота. Однако эти отношения были не просто циничным партнерством, они разделяли взгляды на многие вопросы, в частности на необходимость твердого управления отсталыми народами и религиозной терпимости в противовес позиции Римской католической церкви²³⁴.

Как и Лейбниц, Вольтер идеализировал Китай²³⁵. Отцы-иезуиты из Парижского колледжа, где он учился, не смогли катехизировать Вольтера, но взамен этого привили ему глубокое

²²⁸ Herzen M. von. Catherine II – Editor of *Vsiakaia Vsiachina?* A Reappraisal // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. P. 296–297. Игнорирование советским литературоведом Григорием Гуковским литературных талантов Екатерины является типичным примером такого пренебрежения, см.: Гуковский Г. А. Екатерина II // *Литература XVIII века: История русской литературы* / под ред. Гуковского Г. А. и Десницкого В. А. Т. 4. Ч. 2. М.: Академия наук СССР, 1947. С. 364–380. О взглядах на любительские попытки императрицы см.: Alexander J. T. *Catherine the Great: Life and Legend*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 329–341.

²²⁹ Цит. по: *Voltaire and Catherine the Great: Selected Correspondence* / A. Lentin, ed. Cambridge: Oriental Research Partners, 1974. P. 29.

²³⁰ Maggs B. W. *Russia and 'le rêve chinois': China in Eighteenth-Century Russian Literature*. Oxford: Voltaire Foundation, 1984. P. 127–128.

²³¹ Заборов П. Р. *Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века* М.: Наука, 1978. С. 7–78.

²³² Casanova G. G. *Mémoires*, vol. 3: 1763–1774. / R. Abirached, ed. Paris: Librairie Gallimard, 1960. P. 460. Марк Раефф просит различать: см. Raeff M. *The Enlightenment in Russia* // *The Eighteenth Century in Russia* / J. G. Garrard, ed. P. 38.

²³³ Catherine II. *The Memoirs of Catherine the Great*. P. 48. Опубликовано много подборок ее переписки с Вольтером. См., в частности: *Documents of Catherine the Great* / W. F. Reddaway, ed.

²³⁴ Madariaga I. de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. P. 215–218.

²³⁵ Среди нескольких хороших исследований суждений философа о Китае отметим: Song Shun-Ching. *Voltaire et la Chine*. Aix-en-Provence. Université de Provence, 1989; Engemann W. *Voltaire und China*. Leipzig, 1932. Первое из них содержит подробную библиографию всех текстов Вольтера по данной теме: P. 235–243.

уважение к Срединному царству или по крайней мере к тому приукрашенному образу средневекового Китая, который создали миссионеры. Лишившись иллюзий в отношении политики и культуры в родной Франции, Вольтер увидел в жителях Китая многие из тех достоинств, которых, как ему казалось, не хватает его соотечественникам. Согласно его формулировке, китайцы – «первый, а также самый древний народ в мире в вопросах морали и этики»²³⁶. Даже когда во второй половине XVIII в. парижские салоны уже начали уставать от Востока, Вольтер по-прежнему считался «кем-то вроде Дон Кихота» за его страстную любовь к Китаю²³⁷.

В многотомной переписке философа есть несколько тем, которые постоянно упоминаются при разговоре о Срединном царстве. Во-первых, он глубоко уважает конфуцианскую этику, от которой приходит в восторг: «Мораль – это то, что они лучше всего знают, больше всего развивают и довели до самого величайшего совершенства»²³⁸. Вольтер был также впечатлен мудростью политического порядка, при котором император – это «главный философ», правящий своим доменом со строгой благожелательностью отца, всегда действующий в гармонии с законами и традициями подданных. Он разделял восхищение Лейбница терпимостью к чужим вероисповеданиям в Поднебесной. Мысли о том, что есть государство, в котором конфуцианство веками сосуществовало с даосизмом, буддизмом, исламом и даже иудаизмом, часто соседствуют с осуждением нетерпимости французской монархии эпохи Старого порядка.

Позитивные черты, привлекшие в Китае Вольтера, – рациональная мораль конфуцианства, просвещенный деспотизм и религиозная терпимость, не оставляли равнодушными и Екатерину. Она писала: «Не делать ничего без принципов или без причины, не позволять себе быть руководимой предрассудками, уважать религию, но не давать ей власти в государственных делах, запрещать все, что пахнет фанатизмом, и извлекать самое лучшее из каждой ситуации для общего блага – вот основа китайской империи, самой прочной из всех известных на этой земле»²³⁹. Но и Екатерина не всегда поддерживала похвальные слова своего корреспондента о Китае²⁴⁰. Ее личный опыт взаимодействия с династией Цин был далеко не гладким. Постоянные торговые споры, приграничные стычки, соревнование за лояльность кочевых калмыков и джунгаров серьезно портили отношения между Петербургом и Пекином. В первые годы своего правления Екатерина даже рассматривала возможность войны с восточным соседом²⁴¹. В одном из писем она жаловалась Вольтеру, что «китайцы такие склочные»²⁴². По другому поводу она бранила Вольтера за нереалистичность: «Сир, вы исторгаете столько хвалы в адрес Китая... однако мои собственные дела с этой державой прошли долгий путь, разрушив все представления об их “savoir-vivre”»²⁴³. Императрица дипломатично добавила, что она сталкивалась с маньчжурами, «тартарским народом, завоевавшим Китай, а не с самими китайцами»²⁴⁴. Екатерина могла высказываться и более эксцентрично. Другому своему другу,

²³⁶ Voltaire F. A. The Works of Voltaire / trans. William F. Fleming, vol. 30. Paris: E. R. Dumont, 1901. P. 119.

²³⁷ См.: Song Shun-Ching. Voltaire et la Chine. P. 304.

²³⁸ Voltaire F. A. Works. Vol. 24. P. 29.

²³⁹ Цит. по: Maggs B. W. Russia and 'le rêve chinois'. P. 137–138.

²⁴⁰ По мнению Барбары Мэггс, лишь немногие современники Екатерины спрашивали Вольтера о Срединном царстве, см.: Maggs B. W. Russia and 'le rêve chinois'. P. 112. Одним из таких современников был дипломат Василий Братищев, который в 1757 г. во время краткого пребывания в Пекине составил «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний», см.: Maggs B. W. Answers from Eighteenth-Century China to Certain Questions on Voltaire's Sinology // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1974. Vol. 120. P. 179–198.

²⁴¹ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили...: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. С. 260–265; Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 474; Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992. P. 224–235; Le Donne J. Proconsular Ambitions on the Chinese Border: Governor General Iakobi's Proposal of War on China // Cahiers du monde russe. 2004, vol. 45, nos. 1–2. P. 31–60.

²⁴² Цит. по: Documents of Catherine the Great / W. F. Reddaway, ed. P. 101.

²⁴³ Умение жить (фр.). – Примеч. пер.

²⁴⁴ Ibid. P. 91.

габсбургскому придворному принцу Шарлю-Жозефу де Линю она описывала своего доброго соседа, императора Цяньлуна в таких стишках:

Le Roi de la Chi, i, i, i, i, i, ne
Quand il a bien bu, u, u, u, u, u,
Fait une plaisante mi, i, i, i, i, ne^{245/246}.

Но несмотря на все сложности в отношениях с властями империи Цин, литературные труды Екатерины полностью следуют всем просветительским штампам о Среднем царстве как стране добродетели и мудрости. Так, в комической опере «Февей», сочиненной изначально как поучительная история для внуков Александра и Константина в 1783 г., описан хороший древнекитайский правитель²⁴⁷. В то же время ее труды о других восточных регионах далеко не столь лестны по отношению к этим странам. В сказке «Царевич Хлор»²⁴⁸ героя похищает киргизский хан, а в антимасонской пьесе «Сибирский шаман» главный герой изображен шарлатаном²⁴⁹. Тем не менее во всех этих текстах Восток предстает аллегорической страной, экзотическим сказочным государством.

Не только Екатерина использовала восточные мотивы в своей поэзии и прозе²⁵⁰. Когда Мария Сушкова, жена сибирского губернатора, уподобила императрицу Конфуцию в вымышленном «Письме Китайца татарскому дворянину в Санкт-Петербург по делам», она едва не совершила *l'èse-majesté*²⁵¹:

В Пекине, о Мурза, стихи твои читаем,
И истину любя, согласно говорим,
На троне северном Конфуция мы зрим²⁵².

Другие авторы использовали восточные мотивы, когда хотели эзоповым языком прокомментировать политические сюжеты. Русский публицист Николай Новиков, решив высмеять попытки Екатерины выставить себя вольтерьянским просвещенным деспотом, приукрасил перевод китайского текста, чтобы вытянуть неблагоприятное сравнение с императрицей. «Завещание Юнджена Китайского Хана к его сыну» появилось в 1770 г. в недолго просуществовавшем журнале «Пустомеля» и представляло собой типичные размышления мудрого китайского философа-правителя, цитирующего последнего императора: «[С начала правления] Заботился я о врученном мне народе день и ночь; страшился, чтобы народ мой не почел меня ни ленивым, ни незнающим и недостойным государем... Прилежно старался, чтобы во всем государстве суд был справедливым, чтобы весь народ был доволен, а силы государственные больше бы возрастали»²⁵³. Не очень изящным пуантом было помещение прямо по этим

²⁴⁵ Король Ки-та-та-та-яКогда выыыыыыпыетТакие корчит роооооожи! – Перевод пер.

²⁴⁶ Catherine II. Les lettres de Catherine II au prince de Ligne 1780–1796 / ed. Princess Charles de Ligne. Brussels: Librairie nationale d'art et d'histoire, 1924. P. 38.

²⁴⁷ Екатерина II. Соч. Т. 2. С. 332–363; O'Malley L. D. The Dramatic Works of Catherine the Great. Aldershot, UK. Ashgate, 2006. P. 170–174.

²⁴⁸ На основе сказки в 1786 г. Д. И. Хвостов создал комическую оперу «Хлор-царевич, или Роза без шипов», см.: Берков П. И. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977. С. 265.

²⁴⁹ Екатерина II. Соч. Т. 1. 347–406.

²⁵⁰ Краткий обзор восточных сюжетов в русской литературе XVIII в. см.: Берков П. И. История русской комедии XVIII в. С. 262–266. Более подробный обзор китайских мотивов см.: Maggs B. W. Russia and 'le rêve chinois'. P. 81–112.

²⁵¹ Оскорбление величества (*фр.*). – *Примеч. пер.*

²⁵² Цит. по: Maggs B. W. Russia and 'le rêve chinois'. P. 91.

²⁵³ Новиков Н. И. Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну // Сатирические журналы Н. И. Новикова / под ред. П. Н. Беркова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 267–268.

завещанием стихотворения Дениса Фонвизина «Послание к слугам моим», язвительного обличения социальной несправедливости в государстве Екатерины. Императрица вряд ли могла быть довольна. Литературоведы долго обсуждали, насколько связано такое нелестное соположение китайского идеала с печальной российской реальностью, с тем обстоятельством, что этот номер «Пустомели» так и остался единственным в своем роде²⁵⁴.

Фонвизин – чиновник в Коллегии иностранных дел и выдающийся драматург той эпохи – также увлекался аллегорической китайщиной. В 1779 г. он опубликовал перевод «Да сюэ», конфуцианского текста, который подчеркивает обязательства правителя в отношении подданных²⁵⁵. Подтекст был очевиден: правь благоразумно, или твой трон окажется в большой опасности. По словам историка, следующая фраза понималась как прямая отсылка к восстанию Пугачева, случившемуся пятью годами ранее: «Государь тщетно то запрещает, что сам себе позволяет; никто ему не повинуется... престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут»²⁵⁶.

Используя азиатские мотивы для обсуждения недостатков своей родной страны, русские авторы следовали давно установившейся европейской литературной традиции. *The Spectator*, влиятельный британский журнал начала XVIII в. периодически публиковал китайские сказки, содержащие непрямые аллюзии на современное английское общество²⁵⁷. Самым известным примером подобного рода, безусловно, служат «Персидские письма» Монтескье. Опубликованная в первые в 1721 г. вымышленная переписка двух восточных путешественников, где в кажущихся наивными соображениях едко высмеивается французская политика и обычаи, была популярна среди читателей по всей Европе²⁵⁸.

Культурный флирт Екатерины с Востоком выходил далеко за пределы литературной сферы и коснулся также архитектуры и прикладного искусства. И снова главное внимание уделялось Китаю и отраженной европейской моде. Китайщина, или *chinoiserie*, как это явление называли в Европе, появилась уже в начале XVIII в. Во время своего путешествия в Европу Петр Первый был поражен китайским и японским фарфором, который он повсюду видел в Голландии, а также в Фарфоровой комнате замка Шарлоттенбург прусского короля и Лаковой комнате замка Розенборг в Копенгагене.

Два этих зала стали образцом для Китайской комнаты, которую царь приказал сделать в дворце Монплеизир в Петергофе для своей жены, будущей императрицы Екатерины Первой²⁵⁹. Скромный интерьер дворца в голландском стиле, с темными дубовыми стенными панелями, голландской живописью, черно-белом полом в шахматную клетку и выложенная делфтскими изразцами печь – все это больше наводило на мысли об амстердамских каналах, чем о Финском заливе, на берегу которого находился дворец. На первый взгляд, Китайская комната – ослепительное сочетание позолоты и темно-красных балок, удерживающих 94 лакированных панели с традиционными мотивами Среднего царства, – могла бы показаться странной аберрацией, пугающим контрастом с мрачной кальвинистской патрицианской атмосферой, царя-

²⁵⁴ Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1952. С. 167–170.

²⁵⁵ Фонвизин Д. И. Та-Гю, или великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию // Собр. соч. Т. 2. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. С. 231–253.

²⁵⁶ Gleason W. *Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981. P. 189–190. Русский текст цит. по URL: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/02articles/255.htm>

²⁵⁷ Honour H. *Chinoiserie: The Vision of Cathay*. New York: Harper & Row, 1961. P. 125. О влиянии журнала в России см.: Jones G. G. *Novikov's Naturalised Spectator // The Eighteenth Century in Russia / J. G. Garrard, ed.* P. 149–165.

²⁵⁸ Montesquieu. Charles de Secondat, baron de. *Lettres persanes*. Paris: Garnier, 1963.

²⁵⁹ Honour H. *Chinoiserie*. P. 117; Самойлов Н. А. Россия и Китай // С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. Россия и Восток. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 241; Фишман О. Л. Китай в Европе: Миф и реальность. XIII–XVIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 400–404.

щей в остальных помещениях Монплезира. Но это было совершенно в духе барочной экзотики в стиле Северной Европы того времени.

Начало регулярной караванной торговли с Китаем дало Петру прямой доступ к подлинным восточным драгоценностям и произведениям искусства, которые стали украшать дворцы – его собственные и приближенных. К примеру, граф Яков Брюс собрал впечатляющую коллекцию из более чем 200 китайских предметов²⁶⁰. По словам одного современника, когда царь выдавал свою племянницу Екатерину Иоанновну замуж за германского принца, «супружескую кровать поставили в комнату, украшенную в японском стиле и заполненную японскими лакированными предметами, которые можно часто встретить в русских домах»²⁶¹. Уже при дочери Петра, императрице Елизавете, инженер Дмитрий Виноградов открыл предприятие, которому суждено будет стать Императорским фарфоровым заводом и благодаря которому появился постоянный источник изящной посуды²⁶². Материальные формы китайщины достигли своего апогея в период долгого и успешного правления Екатерины Великой. В ответ на растущий спрос быстро развивалось производство фарфора, в частности на фабрике Френсиса Гарднера²⁶³. Стили были самые разнообразные, но азиатское происхождение форм диктовало чаще всего и восточные сюжеты росписи.

Императрица жадно интересовалась как фарфором, так и архитектурой, и именно в последней сфере ярче всего отразился ее интерес к Востоку²⁶⁴. Уже в первый год своего правления она поручила неаполитанскому архитектору Антонио Ринальди строительство новой летней резиденции в Ораниенбауме, на берегу Финского залива. Ее барочные розово-белые внешние формы были исключительно западными, но внутри находились длинные анфилады комнат с обитыми шелком стенами, деревянными полами и раскрашенными потолками²⁶⁵. Являя собой все самое блестящее, что могло предложить китаизированное рококо, эта резиденция со временем полностью оправдала свое название «Китайский дворец».

В первую очередь стоит обратить внимание на скромную гостиную, стены которой задрапированы шелком, расшитым двумя миллионами стеклянных бусин голубого, бледно-лилового и розового цветов, воссоздающих восточный пейзаж. Пол изначально был выложен стеклянной мозаикой, что оказалось непрактично, и ее постепенно заменили паркетом²⁶⁶. В другой комнате болонский мастер Серафино Бароцци расписал потолок аллегорией «Союз Европы и Азии», символизирующей предназначение России.

Но самым амбициозным проектом Екатерины стала Китайская деревня в Царском Селе²⁶⁷. Проект Антонио Ринальди, начатый в 1770-е гг., был свернут новым главным архитектором императрицы шотландцем Чарльзом Кэмероном в 1780 г. и оставался незавершенным вплоть до смерти Екатерины. Источник вдохновения для дворца располагался еще дальше на западе, чем в случае с дворцом Монплезир, построенным для ее тезки. И Ринальди, и Кэме-

²⁶⁰ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 67.

²⁶¹ Shvidkovsky D. *The Empress and the Architect: British Architecture and Gardens at the Court of Catherine the Great*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 168.

²⁶² Агаркова Г., Петрова Н. 250 лет Ломоносовскому фарфоровому заводу в Санкт-Петербурге 1744–1994. СПб.: ЛФЗ, 1994. С. 5–13; Дулькина Т. И., Ашарина Н. А. Русская керамика и стекло 18–19 веков. М.: Изобразительное искусство, 1978. С. 106; Nyvonen H. *Russian Porcelain Helsinki: Vera Saarela Foundation*, 1982. P. 14–19.

²⁶³ Попов В. А. *Русский фарфор: Частные заводы*. Л.: Художник СССР, 1980. С. 5–15.

²⁶⁴ Menshikova M. *Oriental Rooms and Catherine's Chinese Collections // Treasures of Catherine the Great / M. B. Piotrovski, ed.* New York: Harry N. Abrams, 2000. P. 207.

²⁶⁵ Бенуа А. *Китайский дворец в Ораниенбауме // Художественные сокровища России*. 1910. Вып. 1. № 10. С. 196–201; Клементьев В. Г. *Китайский дворец в Ораниенбауме*. СПб.: БЛИЦ, 1998; Black W. *The Chinese Palace at Oranienbaum*. Boston: Bunker Hill, 2003; Jacobson D. *Chinoiserie*. London: Phaidon, 1993. P. 107–110.

²⁶⁶ Клементьев В. Г. *Китайский дворец в Ораниенбауме*. С. 74.

²⁶⁷ Грабарь И. *Петербургская архитектура в XVIII–XIX вв.* СПб.: Лениздат, 1994. С. 244–248; Shvidkovsky D. *The Empress and the Architect*. P. 171–180; Jacobson D. *Chinoiserie*. P. 171.

рон в целом следовали правилам «англо-китайского сада» – пейзажного стиля, сформировавшегося в Англии в середине XVIII в. в противовес строгому геометрическому формализму французских парков. Поддержанный такими теоретическими трудами, как «Сельская архитектура в китайском вкусе» (1751) Уильяма Хафпенни и «Диссертация о Восточном устройстве садов» (1771) сэра Уильяма Чамберса, англо-китайский сад предполагал возведение причудливых храмов и пагод, как бы затерявшихся среди рукотворных водопадов, прудов, рош и просек.

Ансамбль в Царском Селе включал мосты, украшенные драконами и фигурами китайцев, держащих фонари, а наверху «Большого Каприза» была поставлена беседка в стиле китайской провинции Фуцзянь и Китайский театр. Сама деревня представляла собой ряд небольших домиков, расположенных восьмиугольником вокруг крупной пагоды, похожей на ту знаменитую постройку, которую сэр Уильям возвел в лондонских Садах Кью несколькими десятилетиями ранее. В сочетании с неоклассическими постройками Кэмерона парк в Царском Селе поражал удивительным смешением стилей Востока и европейской античности, как отметил поэт Гавриил Державин:

Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех²⁶⁸.

Срединное царство занимало доминирующее положение в мире воображаемого Востока в эпоху екатерининского Просвещения, но свое место отводилось и исламскому миру. Отношения с Ближним Востоком оставались неоднозначными, хотя образы, бытовавшие в литературных кругах Москвы и Санкт-Петербурга, были скорее мирными и благожелательными. Как и в случае с Китаем, взгляды России на Ближний Восток почти целиком были отражением взглядов западных мыслителей. Одни европейцы считали, что Турция и Персия – эти тирании уже находятся в стадии необратимого упадка, а другие, в частности жена британского дипломата леди Мэри Уортли Монтегю, находили в турецкой культуре много поводов для восхищения. По иронии судьбы именно ее письма впервые сделали популярной турецкую традицию прививок от оспы, которую Екатерина перенесла в Россию²⁶⁹.

Дух терпимости, свойственный веку Просвещения, помог многим жителям России посмотреть на ислам более объективно. Традиционная религиозная ненависть постепенно слабела параллельно с уменьшением угрозы, которую Османская империя и другие мусульманские соседи представляли границам империи. Как указывает Марк Батунский, если в предшествующую эпоху слово «мусульманин» имело однозначно негативную коннотацию, то к XVIII в. оно уже многими воспринималось как нейтральное²⁷⁰.

Разумеется, Екатерина сама несколько раз находила поводы для военных столкновений с Турцией. Однако императрица проводила четкую границу между Османами – деспотичными правителями, разрушившими Византию, и их верой²⁷¹. Глубоко пропитанная космополитизмом и веротерпимостью века императрица торжественно объявила о защите религиозных традиций своих мусульманских подданных в Указе о терпимости 1773 г., а также в других

²⁶⁸ Цит. по: Shvidkovsky D. The Empress and the Architect. P. 179.

²⁶⁹ Grosrichard A. Structure du sérail: La fiction du despotisme asiatique dans l'Occident classique. Paris: Editions du Seuil, 1979. P. 34–67; Cirakman A. From the “Terror of the World” to the “Sick Man of Europe”: European Images of the Ottoman Empire and Society from the Sixteenth Century to the Nineteenth. New York: Peter Lang, 2002. P. 105–110; Baudet H. Het Paradijs op Aarde. Assen: Van Gorcum, 1959.

²⁷⁰ Батунский М. А. Россия и Ислам. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. 2. С. 66 (примеч. 54).

²⁷¹ Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 336.

законодательных документах²⁷². Вольтер, суждения которого о Ближнем Востоке были весьма путанными, льстиво провозгласил победу императрицы над Османским врагом²⁷³. И даже после этого он в том же месте извергает проклятья в адрес своих католических противников – поляков и иезуитов. А одном из писем 1769 г. философ напоминает Екатерине: «Истинно, у вас есть два крупных врага, Папа, и турецкий падишах»²⁷⁴.

Перевод на французский язык в начале XVIII в. сказок «Тысяча и одна ночь» также оказал влияние на взгляды просветителей на ислам. По словам французского ориенталиста Максима Родинсона, «после этого мусульманский мир выглядел уже не провинцией Антихриста, а скорее сугубо экзотическим, причудливым миром, где фантастические существа могут по своему произволу творить добро или зло»²⁷⁵. Русские авторы конца XVIII в. схожим образом умерили свое отвращение к восточному деспотизму и больше демонстрировали жажду экзотики, самые патриотичные поддерживали военные кампании против Порты. Даже Новиков смеялся над Османами в тех же выпусках своих журналов, где критиковал правление Екатерины с помощью китайских аллюзий²⁷⁶. Но когда Ближний Восток помещался в более далекий или аллегорический контекст, то он все больше превращался в волшебную страну из «Тысячи и одной ночи»²⁷⁷.

Самым знаменитым примером изображения исламского мира в русской литературе XVIII в. стало произведение Гаврилы Державина «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице»²⁷⁸. Поэт, весьма гордившийся своими татарскими корнями, создал сей панегирик Екатерине на основе своей детской «Сказки о царевиче Хлоре». В сочиненной в 1782 г. якобы на арабском языке «неким мурзой» оде Державин расточает похвалы «Богородной царевне Киргиз-Кайсацкия орды» и ее «мудрости несравненной», изображая аристократов, окружающих правительницу в не столь выгодном свете. Екатерина поблагодарила автора за его исключительно умелую хвалу, наградила украшенной бриллиантами табакеркой, произвела в действительные статские советники и направила правителем в Олонецкое наместничество²⁷⁹.

Если Державин в своем стихотворении только аллегорически обращался к тюркскому кочевому народу Центральной Азии, то баснописец Иван Крылов писал о Ближнем Востоке более детально в своем прозаическом произведении – повести «Каиб: Восточная повесть»²⁸⁰. Эту аллгорию уже вряд ли можно назвать осанной монарху амбициозного придворного. В повести, расхваленной критиком XIX в. Виссарионом Белинским за «сатирический дух», автор критиковал Екатерину и ее двор с помощью тех же резких шуток, с которыми Монтескье атаковал Людовика XIV в своих «Персидских письмах» семью десятилетиями ранее²⁸¹.

В «Каибе» рассказывается история халифа с таким именем, который ищет истину. У повести счастливый финал, герой в конце концов добивается своего. Но значительно интереснее описание Крыловым самого правителя и его окружения. Каиб – очень богатый монарх, который строит роскошные дворцы, тратит деньги на искусство, ему расточаются похвалы его мудрости и щедрости. Но его советники все как один коррумпированные ничтожества, и, разумеется, у него есть сераль, заполненный юными красотками – «никого старше семнадцати

²⁷² Бартольд В. В. Соч. Т. 9. С. 411.

²⁷³ Norman D. Islam and the West. P. 310–313; Documents of Catherine the Great / W. F. Reddaway, ed. P. 20, 24–5.

²⁷⁴ Цит. по: Documents of Catherine the Great / W. F. Reddaway, ed. P. 33–34.

²⁷⁵ Maxime Rodinson. Europe and the Mystique of Islam. P. 44.

²⁷⁶ Цит. по: Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 262–263, 277–278.

²⁷⁷ Берков П. И. История русской комедии XVIII в. С. 262–266.

²⁷⁸ Державин Г. Р. Фелица // Стихотворения. М.: Художественная литература, 1958. С. 18–25.

²⁷⁹ Brown W. E. A History of 18th-Century Russian Literature. Ann Arbor, MI: Ardis, 1980. P. 382; Segel H. B. The Literature of Eighteenth-Century Russia. Vol. 2. New York: E. P. Dutton, 1967. P. 264.

²⁸⁰ Крылов И. А. Каиб: Восточная повесть // Соч. М.: Художественная литература, 1969. Т. 1. С. 377–406.

²⁸¹ Цит. по: Stepanov N. Ivan Krylov. New York: Twayne, 1973. P. 54.

лет» – для удовлетворения его чувственных потребностей монарших размеров. Словно этих намеков на императрицу недостаточно, злобное перо Крылова добавляет аллюзию с лицемерным покровительством Екатерины свободомыслию в одной из прокламаций Каиба: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьею жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос»²⁸².

В XVIII в. Россия научилась смотреть на Восток глазами Запада. Во-первых, даже инициатива изучения Востока пришла скорее из Европы, чем возникла внутри страны. Проницательные наблюдатели, такие как Лейбниц, понимали, что географическое положение России дает ей удивительные возможности к посредничеству при передаче знаний между Востоком и Западом и что нация получит от этого значительную выгоду. У самих русских на осознание этой истины ушло определенное время. Однако по мере того как образованная часть общества вестернизировалась, ее интерес к Востоку начал расти. В эпоху правления Екатерины Великой восхищение европейского Просвещения Востоком в целом и Китаем в частности передалось жителям Москвы и Санкт-Петербурга.

Как и у всех правителей династии Романовых, у Екатерины существовали военные, дипломатические и торговые отношения с азиатскими державами на границах империи – Китаем, Персией и Османской империей. Это взаимодействие давало значительные непосредственные знания о Востоке, однако информация из первых рук зачастую входила в противоречие с благостным образом этих стран в сочинениях западных философов. Так, один скептически настроенный российский дипломат, Василий Братищев, даже воспользовался подписанием Пекинского соглашения 1757 г. для составления текста под названием «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний». Опубликованная лишь 30 лет спустя и почти неизвестная соотечественникам работа разбирает многие утверждения, сделанные Вольтером и другими европейцами о Среднем царстве²⁸³.

Изучая литературные рецензии Китая в России XVIII в., Барбара Уайднор Мэггз замечает: «Символична, возможно, из-за взаимного положения России и Китая, позиция Екатерины Великой. Подобно западным интеллектуалам, она могла хвалить китайцев за их приверженность разуму и борьбу с фанатизмом, за учреждение самой прочной империи в истории. И в то же время, как политик и глава государства, она могла провозглашать агрессивные намерения когда-нибудь наказать Китай за дерзость»²⁸⁴. И все-таки, несмотря на все трудности в отношениях с восточными соседями, ведущие авторы екатерининской придворноцентричной культуры предпочитали разделять оптимистичные взгляды западноевропейских литераторов. По словам Эрика Видмера, «петербургским гостиним было бесконечно интереснее, что сказали о Китае Монтескье, Вольтер или даже Иезуиты, чем то, что собирается написать о нем Илларион Россохин»²⁸⁵. Справедливо также и то, что, вероятно, самым популярным источником информации об исламском мире в России стали сказки «Тысяча и одна ночь».

Как считает Видмер, академическое изучение Азии практически не оказало никакого влияния на екатерининскую мысль. На протяжении всего XVIII в. научная дисциплина оставалась завезенной игрушкой, в целом чуждой интеллектуальной жизни Санкт-Петербурга и Москвы. Главные действующие лица науки приехали из-за границы, их произведения зачастую гораздо шире издавались и читались на Западе, чем в родной стране, и даже само понимание, что русским следует изучать Восток, было впервые сформулировано Лейбницем – тоже иностранцем.

²⁸² Крылов И. А. Каиб: Восточная повесть. С. 384.

²⁸³ Maggs B. W. Answers from Eighteenth-Century China to Certain Questions on Voltaire's Sinology.

²⁸⁴ Maggs B. W. Russia and 'le rêve chinois'. P. 146.

²⁸⁵ Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. P. 166–167.

Интеллектуальная встреча Екатерины с Востоком произошла в тот момент, когда русские в наибольшей мере ассоциировали себя с Западом²⁸⁶. Русская элита, уверенная в своем местоположении на карте, видела в Востоке скорее некий чудесный предмет, развлечение, украшение. В то же время представители элиты не сомневались, что Россия фундаментальным образом отличается от Азии. И только в следующем веке, когда многие стали задаваться вопросами о том, какие отношения должны быть с Европой, восприятие Азии становится более амбивалентным.

²⁸⁶ Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. P. 588.

Глава 4

Восточная муза

Если ты поедешь на Кавказ, то... ты вернешься поэтом.
Лермонтов

30 флореаля VI г. по республиканскому календарю (19 мая 1798 г. по григорианскому) внушительная группа из 167 естествоиспытателей, инженеров, ученых и художников отплыла из средиземноморского порта Тулон. Эти образованные люди присоединялись к флотилии под командованием амбициозного корсиканского генерала Наполеона Бонапарта, целью которого было увести Египет из-под османского контроля. Изначально экспедиция была мотивирована желанием Директории отрезать Британии пути сообщения с Индией, но у Наполеона имелись и более интеллектуальные цели. Помимо нанесения серьезного ущерба колониальному могуществу самого ненавистного морского врага, обладание низовьями Нила позволило бы мозговому центру Франции системно изучать, каталогизировать и описывать великую древнюю цивилизацию в лучших традициях «энциклопедистов» эпохи Просвещения²⁸⁷.

Первое время казалось, что Наполеон повторит блестящий успех Итальянской кампании, проведенной годом ранее. Всего через три недели после высадки в Александрии его войска уже нанесли сокрушительное поражение мамелюкам с «Битве у Пирамид» и вскоре овладели Каиром. Но успех корсиканца оказался временным. Всего через десять дней после того, как он сокрушил защитников Египта на суше, королевский флот Великобритании потопил французские корабли в гавани Абукир, отрезав французские войска от коммуникаций с родиной. После этого экспедиция была обречена на поражение.

Тем не менее эта неудача не остановила реализацию культурного проекта Наполеона. До неизбежного возвращения три года спустя его Ученый корпус произвел беспрецедентную инвентаризацию египетских древностей, результатом которой стало издание 22-томного труда *Déscription d’Égypte* («Описание Египта»). По словам Эдварда Саида, это вторжение стало решающим моментом в современном научном освоении Востока, «первой в ряду длинной серии встреч европейцев с Востоком, в ходе которых особая экспертиза ориенталистов была подчинена колониальными целям»²⁸⁸. Неудачный Египетский поход оставил свой след в искусстве: в течение последующего десятилетия художники создали более 70 холстов, прославляющих военные подвиги будущего императора²⁸⁹. И когда в 1830 г. французские генералы начали завоевание Алжира, многие художники присоединились к ним в духе экспедиции Наполеона, тем самым поспособствовав зарождению в европейских салонах моды на ближневосточные сюжеты²⁹⁰.

Непосредственный итог Нильской кампании Наполеона был не столь ярким, но не менее глубоким²⁹¹. В результате попыток Франции нанести удар через Египет по британской коло-

²⁸⁷ Laurens H. *Les Lumières et l’Égypte // Orientales I: Autour de l’expédition d’Égypte*. Paris: CNRS Éditions, 2004. P. 49–54; Bourguet M.-N. *Des savants à la conquête de l’Égypte? Science, voyage et politique au temps de l’expédition française // L’expédition d’Égypte, une entreprise des Lumières. 1798–1801 / P. Bret, ed. Paris: Technique et Documentation, 1999. 21–36; Cole J. Napoleon’s Egypt: The Invention of the Middle East*. New York: Palgrave Macmillan, 2007; Symcox G. *The Geopolitics of the Egyptian Expedition. 1797–1798 // Napoleon in Egypt / I. A. Bierman, ed. London: Ithaca Press, 2003. P. 13–14.*

²⁸⁸ Said E. W. *Orientalism*. New York: Pantheon, 1978. P. 80.

²⁸⁹ Porterfield T. *The Allure of Empire: Art in the Service of French Imperialism. 1798–1836*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 43–79; Lemaire G.-G. *The Orient in Western Art*. Paris: Konemann, 2001. P. 105–109.

²⁹⁰ Alazard J. *L’Orient et la peinture française au XIXe siècle*. Paris: Librairie Plon, 1930. P. 35–36; Julian Ph. *The Orientalists*. Oxford: Phaidon, 1977. P. 122–125.

²⁹¹ Grossir Cl. *L’Islam des Romantiques. Vol. 1. Du refus à la tentation*. Paris: Éditions Maisonneuve et Larose, 1984. P. 69–78.

нии на авансцену политики мировых держав вышла Османская империя. Несмотря на то что мощная хватка Порты, владевшей огромными территориями, слабела уже как минимум на протяжении столетия, но этот период только непосредственные европейские соседи – Австрия и Россия – смогли воспользоваться проблемами Османской империи к своей выгоде. Однако события 1798 г. в восточном Средиземноморье вызвали геополитические опасения во многих крупных европейских канцеляриях. Вплоть до 1914 г. «Восточный вопрос» – европейское соперничество за то, кто лучше других воспользуется слабостью Османов, – станет одним из самых взрывоопасных элементов дипломатии западных стран.

Проблемы Османской империи сделали восточную тему популярной, страдания возвысили ее образ в европейских гостиных и салонах. Виктор Гюго заметил в 1829 г.: «Будь то картина или мысль, Восток стал главной заботой как ума, так и воображения... Весь континент склонился на восток»²⁹². В то же время упадок Османской империи делал ее значительно более доступной для зарубежных туристов, многие из которых публиковали интересные путевые заметки. Они жадно поглощались оставшейся дома публикой, желавшей сбежать от банальностей буржуазного существования. Это компенсаторное желание подпитывало литературную моду на Ближний Восток еще сильнее, чем шутливая тюркомания XVIII в. Самым влиятельным произведением стали фантастически популярные ориенталистские стихи лорда Байрона. Созданные автором, вдохновленным ярким путешествием по восточному Средиземноморью в 1809–1811 гг., «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Гяур», «Абидосская невеста» и другие «восточные сказки» того периода буквально завладели вниманием европейских читателей примерно на 10 лет, после их публикации в начале 1810-х гг.

Эпоха романтической чувственности сделала европейскую публику особенно восприимчивой к подобному развороту на восток. Отталкиваясь от классицизма XVIII в., романтизм отказывался от его акцента на разум, порядок, сдержанность и внешние приличия, не говоря уже об идеализации античного прошлого²⁹³. Движение, начатое еще в 1761 г. публикацией «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо, где страсть и воображение ставились выше общественных условностей, свои самые глубокие корни пустило в германской философии и литературе в последние десятилетия XVIII в. Основными сторонниками нового течения выступили Фридрих Шлегель, Фридрих Шиллинг и молодой Гёте, а проложил им всем дорогу лютеранский пастор из Восточной Пруссии Иоганн-Готфрид Гердер. Эти литераторы, наряду со многими другими, подчеркивали первенство эмоций, интуиции, спонтанности и всего мистического. Они твердо верили, что поэзия – это самый прямой путь к возвышенному.

Восставая против эллинизма, германские романтики искали альтернативные источники мудрости и в первую очередь в собственном средневековом прошлом и на Востоке, причем последний притягивал их особо. Гипотезы об индийском происхождении европейских языков значительно повышали интерес к Древней Азии. В то же самое время экзотика и чувственность Ближнего Востока входили в мощный резонанс с эстетическими вкусами современников. По словам Шлегеля, «мы должны искать самый возвышенный романтизм на Востоке»²⁹⁴.

Русские литераторы начала XIX в. все активнее воспринимали широкий европейский литературный контекст и никак не могли избежать влияния романтизма и его ориенталистских наклонностей. Лорд Байрон и другие европейские поэты, разумеется, помогли зажечь искру российского интереса к Востоку, но у него, безусловно, были и свои внутренние источники²⁹⁵. Россия ведь не только постоянно вступала в военные стычки с Турцией и Персией на своих

²⁹² Hugo V. *Les Orientales*. Vol. 1 / ed. E. Barineau. Paris: Librairie Marcel Didier, 1968. P. 11–12.

²⁹³ Cranston M. *The Romantic Movement*. Oxford: Blackwell, 1994. P. 1–48.

²⁹⁴ Schlegel F. *Gespräch über die Poesie // Charakteristiken und Kritiken I* / H. Eichner. ed. *Kritische-Friedrich-Schlegel-Ausgabe 2*. Munich: Ferdinand Schöningh; Zurich: Thomas-Verlag, 1967. P. 320.

²⁹⁵ Каганович. С. Романтизм и Восток // *Вопросы литературы*. 1979. 2 февраля. С. 169; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // *Пушкин и мир Востока* / под ред. Е. П. Чельшева. М.: Наука, 1999. С. 99.

южных границах, но постепенно включалась в длительную борьбу по «умиротворению» восставших мусульманских меньшинств на Кавказе, своей собственной территории. Многие русские литераторы той эпохи обладали знанием русского «Востока» благодаря путешествиям и военной службе на Кавказе. Личное знакомство с этими краями придавало русским поэтам-романтикам ощущение особого тонкого родства с Азией, а география России способствовала интересу к размышлениям Гердера о восточных корнях, что подкреплялось наличием на территории империи исламских меньшинств. Родившийся на Украине поэт Орест Сомов указывал в своем популярном очерке 1823 г. «О романтической поэзии»: «Ни одна страна на свете не была столь богата разнообразными поверьями, как Россия... И так поэты русские, не выходя за пределы своей родины, могут перелетать от суровых и мрачных преданий Севера к роскошным и блестящим вымыслами Востока»²⁹⁶.

Литературный критик XIX в. Виссарион Белинский утверждал, что «в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом»²⁹⁷. Более того, поэт впервые открыл для России и литературный Восток. У него были предшественники – Державин, Новиков, императрица Екатерина II, упоминавшие «Восток» в своих творениях в конце XVIII в. Но ничто не сделало для популяризации азиатских тем у массового русского читателя так много, как «южные стихи» Пушкина начала 1820-х гг.

Для соотечественников роль Пушкина во многом походила на роль, которую сыграл Байрон для европейской литературы. Многие видели в нем русского двойника английского лорда. И действительно, в их биографиях есть много общего. Оба гордились своими дворянскими родословными, но при этом чувствовали себя стесненными политическими и социальными условностями света. Бурный жизненный путь обоих, отмеченный страстными романами, столкновениями с властями, изгнанием, трагической ранней смертью, словно воплощал дух романтической эпохи поразительно сходным образом. Слависты часто морщатся при слишком буквальном сравнении их поэзии, тем более что Пушкин постепенно все дальше и дальше отходил от подражания англичанину²⁹⁸, однако в том, что касалось литературного ориентализма, Пушкин в свои молодые годы был, безусловно, русским Байроном.

Признанный всеми величайшим русским поэтом, Пушкин родился в 1799 г. в московской семье слегка беспутного, но образованного отставного гвардейского офицера²⁹⁹. Это был род со славным прошлым, – фамилия упоминается не менее 28 раз в «Истории государства российского» Николая Карамзина, но после восшествия на престол Романовых их положение пошатнулось. По словам самого поэта,

Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок...³⁰⁰

Мать Александра, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал, имела необычное происхождение. Его прадед был привезен в Россию в качестве африканского слуги в начале XVIII

²⁹⁶ Сомов О. О романтической поэзии. Р. 174–175.

²⁹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 7. С. 372.

²⁹⁸ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1924; репр.: Munich: Wilhelm Fink. 1972. С. vi–vii. Недавние размышления американского ученого см.: Greenleaf M. Pushkin's Byronic Apprenticeship: A Problem in Cultural Syncretism // Russian Review. 1994. № 53. Р. 382–398.

²⁹⁹ Этот биографический очерк в основном базируется на: Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956–1961; Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984; Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л.: Просвещение, 1982; Binyon T. J. Pushkin: A Biography. London: Harper Collins, 2002; Simmons Ernest J. Pushkin. New York: Vintage Books, 1964.

³⁰⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 3. С. 208.

в.³⁰¹ Подаренный Петру Первому русским послом в Турции, подросток был крещен Абрамом Петровичем и воспитывался под присмотром императора, питавшего к нему особое расположение. Одаренный быстрым умом и способностям к геометрии фаворит Петра стал военным инженером и дослужился до статуса генерала. Гордившийся африканским происхождением Абрам взял себе в качестве фамилии имя знаменитого карфагенского полководца, сражавшегося с римлянами.

Александр Пушкин был горд обеими ветвями своей родословной. Он без устали отсылал к славным предкам своего отца, происходившим, по всей видимости, от прусского воина, поступившего в XIII в. на службу к Александру Невскому³⁰². Один из друзей как-то упрекнул его за аристократические замашки: «Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством?.. Будь, ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец». Пушкин с возмущением поправил его: «Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. Мое дворянство старше)»³⁰³.

Что касается негритянских корней матери, то они также служили источником его гордости. Когда Пушкин описывает себя как «потомок негров безобразный», он делает это без какого бы то ни было уничижения³⁰⁴. В космополитичной атмосфере высшего света имперской России смешанное расовое происхождение не имело таких сильных негативных коннотаций, как в англосаксонском мире. Кэтрин О'Нил отмечает, что для образованного Санкт-Петербурга черный цвет кожи ассоциировался, скорее, с ревнивым, но благородным мавром Отелло, и столичный город, разделяя европейские «стереотипы относительно африканцев как диких, яростных, чувственных и грозных мужчин, в то же время восхищался их сексуальной отвагой»³⁰⁵. Для молодого человека с неутолимым плотским аппетитом это были позитивные коннотации.

Согласно не слишком точным географическим представлениям той поры, Африка была примерно тем же Востоком, что и Азия. Поскольку северная треть материка находилась в орбите исламской цивилизации и пока еще номинально подчинялась Османской империи, европейцы с легкостью объединяли Сахару и Левант. Тем более что многие черты, которые воображение романтиков считало типично восточными, – необузданная страсть, дикость, праздность и деспотизм – были характерны как для востока, так и для юга³⁰⁶. Это отметил и Виктор Гюго в сборнике *Les Orientales*, категорически отнеся Испанию, формально находящуюся на западной оконечности Европы, к поэтическому Востоку³⁰⁷. А когда в 1830 г. французские войска садились на корабль в Тулоне на старте Алжирской кампании, он знали, что отправляются на Восток.

Размытость границы между Востоком и Югом в российском сознании была вдвойне более оправданной, чем в Европе. Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы понять,

³⁰¹ Первоначально он считался эфиопом, но, по мнению бенинского ученого, Абрам родился около озера Чад, неподалеку от современного города Логон в Камеруне, см.: Gnamankou Dieudonné. Abraham Hanibal: L'aieul noir de Pouchkine. Paris: Présence Africaine, 1996. P. 19–24. Современный британский писатель считает вопрос нерешенным до сих пор, см.: Barnes H. The Stolen Prince. New York: Harper Collins, 2006. P. 49.

³⁰² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 76–77. Официальная русская генеалогия оспаривает это, см.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Статья: Пушкин.

³⁰³ Цит. по: Рылеев К. Ф. Письма. М.: Правда, 1983. URL: http://az.lib.ru/r/ryleew_k_f/text_0190.shtml. Ответ Пушкина цит. по: Пушкин – Рылееву. Вторая половина июня – август 1825 г. Михайловское (Черновое) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10: Письма. М.; Л., 1951. URL: https://imwerden.de/pdf/pushkin_pss_v_10_tt_tom_10_pisma_1951_text.pdf. – *Примеч. пер.*

³⁰⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 44; Bethea D. M. How Black Was Pushkin? Otherness and Self-Creation // Under the Sky of My Africa Evanston / C. Theimer, Nepomnyashchy et al., eds. IL: Northwestern University Press, 2006. P. 122–123.

³⁰⁵ O'Neil C. Pushkin and Othello // Under the Sky of My Africa Evanston / Nepomnyashchy et al., eds. P. 197.

³⁰⁶ Специалист по германской арабистике указывает, что Восток, который интересует ориенталистов, находится не на востоке, а скорее на юго-востоке с точки зрения географии. Paret R. The Study of Arab and Islam at German Universities Wiesbaden. Germany: Franz Steiner, 1968. P. 3–4.

³⁰⁷ Hugo V. Les Orientales. Vol. 1. P. 11.

что Константинополь расположен западнее Санкт-Петербурга, а Кавказские горы находятся в европейской части империи, как еще в начале XVIII в. определил отец российской географии Василий Татищев. Вследствие этого и для Пушкина его африканские корни являлись квазивосточными, как следует из слова «арап», которое он использовал в отношении своего прадеда³⁰⁸. Это архаичное русское слово, родственное слову «араб», использовалось для названия негров из мусульманской части Африки и объединяло Юг с Востоком подобно тому, как в английском это делало слово «моог» (мавр. – *Примеч. пер.*). В том же русле и «южные» стихотворения Пушкина (цикл, вдохновленный путешествием по Крыму и Кавказу) были такими же «восточными», как и «Восточный цикл» лорда Байрона.

Пушкин получил самое лучшее образование, которое можно было получить в России эпохи Александра I. В 1811 г. император основал Царскосельский лицей для обучения мальчиков благородного происхождения, что в дальнейшем позволяло им занять высокие государственные посты. Позднее его переименовали в Императорский Александровский лицей и перенесли в столицу, а первоначально учебное заведение располагалось в крыле Екатерининского дворца – летней царской резиденции. Благодаря тесным связям с двором новая школа обещала успешным выпускникам блестящую карьеру в армии и самых престижных бюрократических сферах. Среди выпускников первого года был будущий министр иностранных дел России князь Александр Горчаков. Пушкин, несмотря на то что экзаменатор охарактеризовал его как «пустоголового и бессмысленного», проявил хорошие способности во французском языке и черчении и был принят в первый класс³⁰⁹.

Прогрессивная шестилетняя программа обучения в Лицее делала упор на «моральных науках» и была не слишком сложной. В результате у лицеистов хватало времени на увлечения, в частности на стихосложение, в чем Пушкин уже в детстве проявил выдающиеся способности. Он активно участвовал в богатой литературной жизни лицея и вскоре уже переписывался с ведущими поэтами Санкт-Петербурга. В 14 лет он напечатал свое первое стихотворение в столичном журнале «Вестник Европы», выходявшем раз в две недели, а до выпуска из Лицея успел опубликовать еще три произведения. Литературное творчество не всегда приносило успех Пушкину, особенно когда он брался сочинять язвительные эпиграммы на представителей властей, в том числе на директора Лицея. Самым знаменитым доказательством таланта юного Александра стала высокая оценка Г. Державиным его ностальгического стихотворения о Царском Селе, после чего престарелый придворный поэт назвал Пушкина своим наследником.

В последний год учебы Пушкин многие вечера проводил в кутежах с гвардейскими офицерами, расквартированными в императорской резиденции. Но мечты присоединиться к ним после окончания Лицея в 1817 г. рухнули, когда отец объявил, что не имеет средств на содержание младшего кавалерийского офицера, и предложил ему менее привлекательную карьеру в пехоте. Такова была альтернатива. Поскольку шинель казалась Пушкину не такой стильной, как мундир гусара, то для молодого аристократа идеальным путем достойной карьеры стала дипломатия. Этот путь также дарил такую привилегию, как начало работы в имперской столице. Получив назначение в Министерство иностранных дел, Пушкин в июне 1817 г., вскоре после 18-го дня рождения, переехал в Санкт-Петербург.

Профессиональные обязанности Пушкина в качестве младшего чиновника были еще менее обременительны, чем занятия в Лицее. Несмотря на то что ему постоянно не хватало денег, обаяние, школьные связи и талант быстро открыли ему путь в высшие социальные и литературные круги. Не отказывал он себе и в менее респектабельных занятиях. Стихотворение, сочиненное прямо на одной из вечеринок с друзьями, хорошо описывает его времяпрепровождения в роли столичного прожигателя жизни:

³⁰⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 210.

³⁰⁹ Binyon T. J. Pushkin: A Biography. P. 19.

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили – и Венера с нами
Сидела, преля, за столом,
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б..., вином и чубуками?³¹⁰

Пушкинские дебоши не уменьшали его творческую производительность. В 1819 г. он закончил свое первое большое произведение – поэму «Руслан и Людмила». Стихотворная сказка, действие которой перенесено в Древнюю Русь, сочетала в себе много экзотических элементов в классической французской манере. Одним из источников вдохновения для «Руслана и Людмилы» послужил французский сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», по которому Пушкин еще в детстве знакомился с Востоком. Шахерезада, злые духи, персидская роскошь, гаремы – все это было перемешано с мотивами русских былин, итогом стало то, что один литературовед назвал «гармонической связью национальных и ориентальных традиций»³¹¹.

Публикация «Руслана и Людмилы» в 1820 г. создала Пушкину репутацию состоявшегося поэта. Однако еще раньше, чем он смог насладиться успехом, в списках среди друзей ходила политическая «Ода свободе», которая привлекла внимание императора. Только благодаря вмешательству влиятельных друзей Пушкин избежал ссылки в Сибирь. Вместо этого в мае 1820 г. его наказали ссылкой на юго-западные границы империи.

Пушкин роптал на провинциальность своего нового места жительства, но для зарождающейся литературной карьеры наказание стало благом. Ему также выпала большая удача оказаться под контролем снисходительного начальника, который не слишком беспокоился из-за присутствия в штате опального поэта. За четыре года вдаль от столичных развлечений Пушкин сочинил большинство южных стихотворений и начал работу над «Евгением Онегиным».

Южные стихотворения Пушкина стали результатом состоявшейся вскоре после прибытия на новое место встречи со старым другом по Царскому Селу, молодым гвардейским офицером Николаем Раевским. Отец Раевского, генерал, отличившийся в недавней войне против Наполеона, отправился вместе со всей семьей на кавказский курорт с минеральными водами – Пятигорск. Узнав, что в городе находится приятель его сына, генерал великодушно пригласил его провести лето вместе. Последующие несколько месяцев стали для Пушкина идиллическим периодом, который он провел вместе с семьей Раевских, где были четыре очаровательные дочери. Они принялись вместе с новым гостем учить английский язык по стихам Байрона, который в то время находился на пике славы. Совершив с Раевскими путешествие, в котором яркие горные кавказские пейзажи сменились крымской субтропической зеленью, Пушкин, вдохновленный стихами Байрона, настроил свою «изгнанную лиру».

Пребывание в Пятигорске сподвигло Пушкина на создание первой из цикла южных поэм – «Кавказского пленника». В ней, завершенной в 1821 г., рассказывается о разочаровавшемся русском юноше, которого захватили в плен кавказские горцы, когда он бродил по горам, сбегав от лицемерия и фальши высшего общества. Пребывая в плену, юноше удалось завоевать любовь местной девушки. Он слишком пресыщен, чтобы ответить на ее страсть, но тем не менее она помогает ему бежать. Беглец успешно добирается до российской территории, а девушка с разбитым сердцем топится в реке.

³¹⁰ Ibid. P. 63.

³¹¹ Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 104.

Со времен «Слова о полку Игореве» рассказы о пленении являлись постоянным сюжетом русской литературы, как и на Западе³¹². Новизной, привнесенной Пушкиным, стал относительно положительный образ похитителей. Подобно своим предшественникам, сначала поэт описывает их как дикарей:

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят...
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,
Удары шашек их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел...

Наблюдая за тем, как на пирушке горцы обезглавливают рабов забавы ради, пленник вспоминает о не менее жестоких дуэлях у себя дома. Возможно, его собственный народ не менее варварский, чем «другие» жители Кавказа. Более того, его родину в целом не за что хвалить. Пленник вспоминает:

Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы...

Чем дольше русский юноша является подневольным гостем, тем больше он начинает восхищаться своими похитителями.

Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани³¹³.

Если в поэме Пушкин горцев в итоге не осуждает, то его отношение к попыткам царизма подчинить их более неоднозначное. Одни литературоведы находили в тексте поэмы скрытую критику кампании умиротворения горцев³¹⁴. Но через два месяца после завершения поэмы Пушкин добавил эпилог, где прославлял русскую миссию на Кавказе, подобно тому как Державин в своих одах пел осанну военным кампаниям Екатерины Великой. Близкий друг Пушкина князь Петр Вяземский в частных беседах сожалел об этом ура-патриотическом постскриптуме, показавшемся ему неуместным, и добавил, что «поэзия – не союзница палачей»³¹⁵.

Отношение Пушкина к самовластию было весьма двойственным, он не осудил категорически восточные завоевательные походы. Вскоре после праздников с семьей Раевских он написал брату, что «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением... Длжно надеяться, что эта

³¹² Austin P. The Exotic Prisoner in Russian Romanticism // Russian Literature. 1984. № 6. P. 219.

³¹³ A. S. Pushkin. The Captive of the Caucasus. trans. Katya Hokanson // Hokanson. Empire of the Imagination. 263–285.

³¹⁴ Например, см.: Etkind A. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Time of Empires // Modern Intellectual History. 2007. № 4. P. 620.

³¹⁵ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа.

завоеванная сторона... не будет нам преградою в будущих войнах – и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии»³¹⁶. В незаконченной истории Петра Великого, которую он писал уже после возвращения в столицу, Пушкин воздавал хвалу царским войнам против «изменнических» турецких и персидских соседей³¹⁷. В независимости от политических взглядов Пушкина нет никакого противоречия между оппозицией императору и энтузиазмом по поводу расширения владений России в Азии. Многие из пушкинских друзей-радикалов, в частности лидер заговорщиков Павел Пестель, поддерживали жесткую экспансионистскую политику на Востоке³¹⁸.

Байроновский «Чайлд-Гарольд», создавший литературный троп джентльмена, который бежит на дикий, неприрученный Восток в поисках свободы, очевидно, оказал сильное влияние на пушкинского «Пленника». Есть тут сходство и с произведениями Франсуа-Рене де Шатобриана, в частности повестью «Атала», где рассказывается о молодой индианке, которая влюбилась в пленника из другого племени, но покончила с собой, чтобы не нарушить обет целомудрия. Свой след тут оставили и «благородные дикари» Руссо, а также его прославление великолепия гор.

«Кавказский пленник» в свою очередь заложил определенный тренд в русской литературе. Он создал несколько важных мотивов для литературы XIX в., мотив «лишнего человека», мотив Кавказа как экзотического убежища от давления общества и образ честного храброго горца. В то же самое время Пушкин размыл границы между «европейским» и «азиатским». Сьюзен Лейтон пишет: «Несмотря на всю двойственность поэта в данном вопросе, перечень добродетелей дикаря в “Кавказском пленнике” дал старт долгой литературной судьбе горцев-мусульман в качестве азиатских “других”, которых Россия XIX века была склонна принять как суррогатных “своих”»³¹⁹. Симбиоз «своего» и «другого» станет очень интересной чертой ориентализма в русской культуре.

В пушкинском «Пленнике» пророчески сравнивается Бештау, одна из главных вершин Кавказского хребта, с горой Парнас – священной горой Муз в греческой мифологии: поэма породила настоящую кавказскую моду в среде русских писателей-романтиков³²⁰. Многие из них не по своей воле познакомились с этим регионом. Александр Бестужев, под псевдонимом Марлинский опубликовавший в 1830-х гг. цикл популярных рассказов о горах, был сослан на Кавказ простым солдатом за участие в неудавшемся восстании декабристов в 1825 г.

Михаил Лермонтов, корнет лейб-гвардии гусарского полка, потомок шотландского ландскнехта, увлекавшийся романтической поэзией, так же был отправлен на войну против мусульманских мятежников. Страстный поклонник Пушкина, Лермонтов вызвал неудовольствие царя в 1837 г. стихотворением, в котором предполагалось, что смерть великого поэта стала результатом заговора на самом высоком уровне. Восточное изгнание вдохновило Лермонтова на создание самого значительного своего произведения – романа «Герой нашего времени», считающегося шедевром русской романтической прозы. В романе повествуется о «Чайлд-Гарольде в русском обличье», о любовных и военных приключениях на Кавказе уставшего от жизни офицера. В произведении чувствуется сильное влияние Байрона, а также многих произведений Пушкина, в частности «Кавказского пленника»³²¹.

Наряду с Пушкиным, Лермонтовым и Бестужевым (Марлинским) вдохновение на Кавказе пытались искать и менее известные русские писатели. В 1830-х гг. появилась целая группа

³¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 17–18.

³¹⁷ Там же. С. 48–54, 422–437; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 134–141.

³¹⁸ Томашевский Б. В. Пушкин. Т. 1. С. 407–408; Ram H. The Imperial Sublime. P. 130–132.

³¹⁹ Layton S. Russian Literature and Empire. P. 87.

³²⁰ Hokanson K. Empire of the Imagination. P. 53–54.

³²¹ Kelly L. Lermontov. London: Constable, 1977. P. 192. Фраза берет истоки в пушкинском «Евгении Онегине». См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 150.

«малых ориенталистов», по выражению С. Лейтон, чувственные и патриотичные экзотические произведения которых были рассчитаны на менее требовательную аудиторию³²². Последним крупным дореволюционным писателем, обращавшимся к кавказским сюжетам, является граф Лев Толстой. В дополнение к своему «Кавказскому пленнику» – повести для детей, сюжет которой похож на поэму Пушкина, он также опубликовал в 1863 г. подчеркнуто неромантическую повесть «Казачи». Значительно позже, в 1904 г. мятежный аристократ сочинил прямой обвинительный акт царизму за его локальные войны против горцев-мусульман – повесть «Хаджи-Мурат».

Пушкинский «Пленник» повлиял на сознание образованной публики и в более широком смысле. По словам Белинского, он был настолько популярен, что и через 20 лет после публикации самые образованные русские могли наизусть пересказать описание черкесов. Действительно, многие читали «Пленника» не только в поисках литературных достоинств, но и как источник информации о малоизвестном регионе³²³. Белинский отнюдь не преувеличивал, когда провозглашал: «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русскою поэзию, – и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию»³²⁴. Поэма породила множество произведений других видов искусства: балет, песни, популярную оперу Цезаря Кюи, а позднее и фильм.

Отдохнув в Пятигорске, семья Раевских вместе с Пушкиным переправилась морем в Крым, где, как он сам сказал позднее, поэт провел самый счастливый период своей жизни. Одна из поездок по полуострову привела их в старый татарский дворец в Бахчисарае. Пушкин был очарован им, как и Екатерина во время юбилейной поездки 1787 г., и по этому поводу сочинил еще одну широко известную поэму – «Бахчисарайский фонтан». Поэма, первоначально называвшаяся «Гарем», основана на древней легенде о том, как крымский хан страдал от любви к Марии – юной польской светловолосой принцессе, которую он захватил в плен в ходе набега, и о том, какую жестокую ревность это пробудило в другой рабыне – темноволосой грузинке Зареме³²⁵. В этой поэме больше, чем в «Пленнике», используются ближневосточные литературные элементы – от эпитафии из персидского поэта XIII в. Саади до упоминания роз, соловьев, луны и других типично ориенталистских метафор³²⁶.

Начиная с Белинского многие критики видели в образах мадонноподобной Марии, с одной стороны, и знойной Заремы, а также деспотичного хана, с другой – четкую оппозицию между Западом и Востоком³²⁷. Однако один советский литературовед указал, что поэт не отдает предпочтения ни чисто западной красавице, ни ее страстной восточной сопернице. Вместо этого Пушкин изображает их, как две стороны одной женской медали³²⁸. А что касается хана, то пусть он и характеризуется как «бич народов, Татарин буйный», чувство к недостижимой принцессе облагораживает его. Читатель в итоге ощущает симпатию к обезумевшему от любви крымскому правителю.

³²² Layton S. *Russian Literature and Empire*. P. 156–174.

³²³ *Ibid.* P. 17–30. P. 103.

³²⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 372.

³²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 175–195. О поэме см.: Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин: Исследования и материалы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 3. С. 49–100.

³²⁶ Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. М.: Наука, 1974. С. 57–62; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 100–101. Hokanson K. *Empire of the Imagination*. P. 135–136.

³²⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 379–380.

³²⁸ Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. С. 52–55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.